

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Загородская Оксана Владимировна

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

**«Сравнительно-сопоставительный анализ культурных
концептов «Душа» и «Сердце» в лексике и фразеологии
испанского и португальского языков.**

Научный руководитель: д.ф.н. Мед Н.Г.

Рецензент: к.ист.наук, доцент Шашков Ю. А.

Санкт-Петербург

2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР КОНЦЕПТОВ <i>ДУША</i> И <i>СЕРДЦЕ</i> В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ	6
1.1 Философский подход к определению понятий <i>души</i> и <i>сердца</i>	6
1.2 Роль <i>души</i> и <i>сердца</i> в выражении ментальности и духовно-моральных норм при помощи фразеологического фонда языка	10
1.2.1 Фразеологический фонд языка как компонент языковой картины мира	10
1.2.2 Фразеологизм в лингвокультурном аспекте изучения	19
1.3 Исследование компонентов фразеологических единиц <i>душа</i> и <i>сердце</i> в кросскультурном аспекте	29
Выводы по главе I	36
ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ <i>ДУШИ</i> И <i>СЕРДЦА</i> НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ	38
2.1 Образы человека, передаваемые посредством концептов <i>душа</i> и <i>сердце</i> в испанском языке	38
2.1.1 <i>El alma</i>	38
2.1.2 <i>El corazón</i>	45
2.2 Портретные зарисовки португальской ментальности при помощи идиоматических выражений с компонентами <i>сердце</i> и <i>душа</i>	50
2.2.1 <i>O coração</i>	50
2.2.2 <i>O alma</i>	53
Выводы по главе II	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	57
Электронные источники.....	63
Источники примеров	63
ПРИЛОЖЕНИЕ	64

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологизмы всегда мотивированы ситуацией, они отражают культурный, исторический и духовный опыт языкового коллектива. Метафоризация служит основой для многих фразеологических единиц, при ее помощи человек пытается понять абстрактные понятия и явления через более конкретные, которые принадлежат к другой сфере жизненного опыта. Процесс раскрытия метафоры позволяет пройти путь к познанию абстрактных понятий. Фразеология не сохраняет выражения, чуждые представлениям о мире данного народа, если фразеологизмы заимствуют из других языков, значит наивные картины мира нашли общие точки. Таким образом этот пласт языка видится как еще неразбитая копилка, в которой хранится виденье мира испанского и португальского языкового коллектива сквозь призму компонентов *душа* и *сердце*.

Актуальность работы объясняется популярностью выбранной области исследования, особенно с учетом того, что в условиях процесса глобализации, когда расстояния больше не разделяют, а средства массовой коммуникации способствуют взаимопроникновению культурных элементов и исчезновению своих собственных, и порой, уникальных, сейчас как никогда важно уделить внимание вещам, которые отличают культуры, наделяя их сущность своим своеобразием.

В качестве **предмета** исследования были выбраны концепты *душа* и *сердце* и способы их выражения во фразеологии португальского и испанского языков. Переживаемый опыт получает отражение в языке, рефлексия и процесс самосознания человека находит отклик в языковой картине мира. Традиция – это универсальный способ осознания жизни, устойчивые выражения несут схожую функцию, а эти компоненты – самые подходящие инструменты для зарисовки духовно-нравственного и психологического портретов двух иберийских народов.

Объектом исследования стали иберийские варианты португальского и испанского языков.

Цель работы заключается в нахождении универсальных и специфических черт в национальном своеобразии двух иберийских народов через процесс осмысления ими ментальных компонентов *душа* и *сердце* в устойчивых выражениях с переосмысленным значением.

Задачи данной магистерской диссертации состоят в нахождении ответов на следующие вопросы:

- Как мыслятся концепты «душа» и «сердце» в португальском и испанском сознании?
- Какие образы и представления стоят за этими концептами?
- Какие сферы опыта помогают передать полученные образы?
- Существуют ли национально-значимые идиомы с заданными компонентами?
- Какова история слов *душа* и *сердце* в португальском и испанском языке?

Еще не проводилось исследований, касающихся осознания испанской и португальской модели мира через понятия *сердце* и *душа* в их сравнительно-сопоставительном анализе, в этом и заключается **новизна** представленной работы.

Вклад, который вносит представленный труд в изучение испанской и португальской фразеологии составляет его **теоретическую значимость**, принимая во внимание слабое освещение португальских фразеологизмов в общем языковом фонде, а также недостаточную разработанность сравнительного аспекта данных концептов.

Практическая значимость заключается в возможности использования материала исследования в спецкурсах по испанской и португальской разговорной речи, в лекциях по компаративистике романских языков, курсе фразеологии и этнолингвистики.

Анализ работы производится на **материале** фразеологических словарей отечественных, испанских и португальских авторов.

ГЛАВА I. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР КОНЦЕПТОВ *ДУША* И *СЕРДЦЕ* В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

1.1 Философский подход к определению понятий *души* и *сердца*

Прежде чем углубиться в тему исследования, хочется объяснить интерес к выбранной теме. Откуда у людей появилось представление о душе и сердце? Что это, может быть забытые инстинкты, сущность человеческой природы? Возможно, когда в человеке появилась осознанность, которой он отгородился от своих инстинктов, он означил ее непредметным содержанием внутри себя, то, что нельзя взять в руки и невидимо глазу, то, что находится в середине (сердце) или в центре. Как сосуд, его можно наполнить и разбить, можно сжать и вырвать. Но если сердце — это хранилище и обитель нашей истинной сути, то душа (lat. *anima*- воздух) — это сама жизнь, дыхание, которое нас оживляет, и движение, которое отличает нас от всего неживого и мертвого. Человек не существует без центра, который направляет его движение, а само движение даровано ему дыханием, которое оживляет его тело. Древние люди понимали мир в силу развития науки, большинство их знаний о мире были наивны, однако незнание не оставляло их в неведении. Проследить путь познания можно в трудах древних, средневековых философов и современных психологов, а у филологов есть своя сокровищница, в которой скрыты ответы на поставленные вопросы. Если глаза — это зеркало души, то язык — самое явное отражение человека, недаром Сократ изрёк «Заговори, чтобы я тебя увидел».

Представление о душе существовали еще в древнейшие времена, когда первобытные люди воплощали свои верования в мифах и народном творчестве. Душа имела сверхъестественное начало и представлялась источником движения, чувств и жизни в целом. Иерархия мира представлялась божественными духами и их слабыми копиями — человеческими душами. Древние люди верили, что в момент рождения душа поселяется в тело, а в

момент смерти его покидает, при этом обморок или сон представлялись как временное отсутствие души. Первое научное объяснение природы души и ее функций возникло в рамках древней философии. Философия породила необходимый инструмент осмысления действительности, рефлексия, которую в XVII веке английский философ Джон Локк опишет как «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность». Душа всегда являлась центральным объектом для философии, с ее помощью мыслители познавали мир, размышляли об его устройстве и о смысле жизни. При помощи понятий «дух» и «душа» философы приходили к творческому предназначению человека, его связи с космосом и Богом, осмысливали нравственные перспективы развития личности (Шилкина, 2014: 61).

Мир предстаёт перед человеком не только таким, каким он его видит, но и таким, как он его мыслит. Аристотель изобразил мир в его материальном восприятии и назвал свои труды «Физика», а затем написал о первых причинах, о том, что лежит за пределами физических явлений. Эти труды были названы преемниками «Метафизикой» (с греч. «после физики»). Тяга античного человека узреть невидимое направила ход его мысли от постижения окружающего мира с помощью чувств к постижению его сверхчувственной и надпредметной составляющей, как предпосылки всему сущему. Философия возникла в человеческой культуре как проба разума заглянуть в глубины бытия и самого себя, как претензия мыслящего существа на сверхчувственное понимание бытия (Миронов, 2007: 418).

Перу Аристотеля принадлежит трактат «О душе», в котором он рассуждает о познании души как о способе познания всякой истины. Душа по Аристотелю — это форма, которая придает качественную определенность материи. Сама по себе материя пассивна, в то время как форма — это активное начало, но существуют они лишь в единстве. Душа есть причина и начало живого тела, они неразделимы, если душа испытывает страх, радость, любовь или отвращение, то же самое испытывает и тело (Шилкина, 2014: 62).

Принимая во внимание антропоцентричный характер данной работы, представляется особо интересной возможность рассмотреть вопрос с точки зрения смежных дисциплин. Одна из них - христианская антропология, которая осмысляет человека не только в материальном выражении, но и через призму надматериального бытия – Бога, который сотворил человека по своему образу и подобию (Мезенцев, 2011: 32). Богообразность человека определяет его составляющие – тело и душу. Далеко не все конфессии единогласны во взглядах о происхождении души, ввиду проблематичности ее осмысления. Особый характер бытия души, ее нематериальный личностный статус, являет собой всю сложность вопроса об ее происхождении. Христианская антропология предлагает два воззрения: согласно первому, родители дарят ребенку не только тело, но и душу; второе утверждает, что душа дается самим Богом (Мезенцев, 2011:34). Согласно православному учению душа не является последней глубиной человека, из цитаты преп. Макария Египетского следует, что «Сердце правит всем составом человека...ведь и все помыслы души – в сердце» (цит. по Мезенцев, 2011: 35).

Григорий Саввич Сковорода, философ, мыслитель и просветитель XVIII века, толкует сердце не просто как орган тела, а как средоточие души, ядро человеческой природы. Для мыслителя сердце – это главный духовный орган, в котором все имеет свою сущность, это эссенция человека и зерно его естества. Сковорода обосновывал идею самопознания человеком своей духовной сущности как необходимость для достижения внутренней гармонии (Лебедеенко, 2009: 246).

Ориген Александрийский, греческий философ и основатель библейской филологии, живший во II-III в., в своем трактате «О началах» использует термины «дух» и «душа» как взаимозаменяемые, в качестве синонимов, они есть высшая часть человека. Он считает, что душа человека подвижна и способна меняться, поэтому и подвержена добру или злу. Душа человека – это связь между его внутренним миром и телесной оболочкой, одежда его тела. Если дух – это божественное начало в человеке, его связь с высшими силами,

то наличие души связано с морально-нравственным состоянием ума. Здесь прослеживается связь с античной традицией, Платон различает в душе две части: разумную (логикон), которая созерцает идеи, и неразумную, которая проявляется в чувствительности, стремлениях и желаниях (Ерёмина, 20012: 22-24).

Если душа посредник между внутренним и внешним, то сердце есть центр личности. Е.С. Титаренко анализировала символ сердца в антропологии святителя Григория Нисского, христианского богослова и философа (III в.). В статье автор указывает на корень цивилизационного кризиса в утере человеком собственного центра. Напротив, человек Ветхого и Нового заветов обладал кордоцентричным характером мышления, вплоть до абстрактного, влияние бессознательного позволяло проследить проявление чувств даже в самом практичном размышлении (Титаренко, 2008: 140).

«Но Господь сказал Самуилу: не смотри на вид его и на высоту роста его; Я отринул его; Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1 Царств 16:7).

Григорий Нисский ставит человека перед загадкой самого себя, своей двоякой природы, чей вид соединяет противоположности сотворенной души и слепленной плоти, богоподобие ума и плотских желаний. Святитель приводит к примеру песнь «два юнца серны», в которой говорится о сердце – земле – и о человеке – двух близнецах, один телесный, видимый, а другой духовный, невидимый. Близнецы пасутся на земле, собирая с нее цветы чистых помыслов, от чего тучнеют, и только вместе друг с другом они вступают в жизнь. Человек представлен духовным и телесным в единстве жизни, а его добрые помыслы и добродетель «произрастают» в сердце (Титаренко, 2008: 141).

Григорий Нисский пишет о сердце как об источнике сил души, и как всякий источник символизирует чистоту и прозрачность, оно не возмущается «илом мыслей». Сердце – это разум, сохраняемый в чистоте и бесстрастии. Это земля, которая дает питание, и если человек увлажнит ее добрыми помыслами, то она

даст плоды. Сердце – сокровище, Божественная сила, питающая и оживляющая душу. Эта сила исцеляет человеческое грехопадение, возвращая в состояние, бывшее при первом творении (Титаренко: 2008: 142).

Вечный спор о том, что язык формирует мышление или мышление формирует язык еще раз доказывает наличие между ними сильной связи, которая и поможет проследить как мировоззрение разных народов отразилось на их фразеологическом фонде.

1.2 Роль души и сердца в выражении ментальности и духовно-моральных норм при помощи фразеологического фонда языка

1.2.1 Фразеологический фонд языка как компонент языковой картины мира

Фразеология как нельзя глубоко отражает особенности языковой картины мира и менталитета. Сочетания, формировавшиеся на протяжении веков, заключают в себе образ жизни, взгляды, суеверия, убеждения и традиции народа. Идиомы помогают дать оценку и выразить собственную реакцию на внешний мир и на результат взаимодействия с ним. Фразеологический фонд составляет несоизмеримую часть богатства языка, его уникальности и красоты, метафора дарит языку вторую жизнь. Фразеологический элемент в речи требует от адресата языковой компетентности, предыдущего опыта и полета фантазии.

В лингвистическом аспекте данная дисциплина подразумевается, как репрезентация целой характеристики психической деятельности человека за определенный период времени посредством языковых способов. Она показывает своеобразие переживаний психических процессов, ощутимых как внутренне, так и внешне (в жестах, мимике, движениях и т.д.). Психическое состояние понимается как временный функциональный уровень психики,

который отображает действие влияния внутренней среды организма или внешних факторов, и определяет направление развития психических процессов в настоящий момент и проявление психических свойств человека (Фірсова, Дорощук, 2013: 158-159).

Как отдельная дисциплина фразеология окончательно получила свое оформление в трудах российских ученых вследствие борьбы за доказательство своеобразия объекта изучения (Уралова, 2014: 238). Опираясь на уже имеющиеся работы по структуре и компонентам фразеологизмов, можно направить развитие дисциплины посредством смежных наук (психология, психолингвистика), а также на решение вопросов лингвокультурологии, стилистики, этики, этнолингвистики и истории.

Фокус изучения сосредоточен на устойчивом сочетании слов, в котором объединены лексические и синтаксические характеристики. Словосочетание продолжает служить основной единицей синтаксиса, в то время как фразеология дарит ему статус языковой единицы и рассматривает как элемент построения системы. Однако, чтобы войти в систему оно должно обладать фразеологической устойчивостью на семантическом и структурном уровне, если эта связь недостаточно крепкая, то такие случаи остаются за периферией изучения (устойчивые словообразования нефразеологического характера) (Уралова, 2014: 239).

А.В. Кунин в «Основах фразеологии английского языка» понимает устойчивость как воспроизведение в готовом виде и отмечает, что такой подход является универсальным ко всем языковым единицам, а не только к фразеологическим. Устойчивость идиоматического элемента состоит в неизменяемости тех или иных компонентов при всех нормативных изменениях (Кунин, 1972: 6).

Автор выделяет следующие виды инвариантности (или микроустойчивости):

- Устойчивость употребления (статус единицы языка, а не индивидуальное образование в окказиональном употреблении);
- Структурно-семантическая устойчивость (наличие как минимум двух элементов, раздельное оформление, отсутствие типового значения);
- Семантическая устойчивость (полное или частичное переосмысление словосочетания);
- Лексическая устойчивость (компоненты можно заменить только в границах вариативности);
- Синтаксическая устойчивость (неизменяемый порядок компонентов, допускается вариативность) (Кунин, 1972: 7-8).

Автор называет компоненты фразеологических единиц (ФЕ) лексемами, т.е. потенциальными словами, которые войдя в состав ФЕ, переосмысливаются и утрачивают свою соотнесенность с предметом, а сам фразеологизм он выделяет отдельным членом предложения и определяет как устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением (Кунин, 1972: 8).

Идиома вводится в речь только в контексте, он в свою очередь служит актуализатором на уровнях контактной сочетаемости (примыкание к словам) и дистантной (позиция) (Кунин, 1972: 13).

Способы образования ФЕ условно можно разделить на два основных пути первичной и вторичной фразеологизации. К первичной фразеологизации относится переосмысление переменных сочетаний слов, переосмысление устойчивых сочетаний слов нефразеологического характера, создание ФЕ перескакивая стадию переменного сочетания слов (яркие выражения шутливого характера), искажение компонентов словосочетания. По второму пути пошла фразеологическая деривация (обособление компонентов) (Кунин, 1972: 15-21).

Концепты *serdce* и *душа* нашли отклик в работе А.В. Кунина в разделе шекспиризмов, которые после библии занимают второе место в обогащении английского языка. Оказывается, выражение *to one's heart's content* «сколько душе угодно», «вволю», пришло в речь из пьесы «Венецианский купец», а «Отелло» нам подарил *to wear one's heart upon one's sleeve* «душа нараспашку», «выставлять напоказ свои чувства». Примечательно, что английское *heart* «сердце» в русских эквивалентах при переводе превращается в душу. Выражение *from the bottom of my heart* «от всего сердца» относится к библеизмам и пришло из молитв, как и оборот *possess one's soul in patience* «запасть терпением» (видоизменение от *in your patience possess ye your souls* – терпением вашим спасайте души ваши).

Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун в своем курсе фразеологии испанского языка пишут об огромном вкладе, который внесли в развитие фразеологии как отдельной науки в свое время труды академика В.В. Виноградова, Шарля Балли, который одним из первых разработал учение об устойчивых группах слов на материале французского языка, и Хулио Касареса (Курчаткина, Супрун, 1981). Объектом фразеологии исследователи выбрали несвободные словосочетания с фиксированным лексическим составом, в которых нельзя заменить ни один из компонентов. Иногда такие словосочетания имеют прозрачное значение (например, исп. *irse para el otro mundo* – букв. отправиться на тот свет), бывают и такие случаи, когда расшифровка переносного смысла требует заведомой осведомленности (*tener la cabeza a las once* – быть рассеянным, «иметь голову на одиннадцать часов»).

Еще с давних времен внимание лексикографов привлекали группы слов, объединенных единым смыслом, они включали их в словари под самыми разнообразными наименованиями (фраза, экспрессивное выражение, фигуративное выражение), сборники фразеологизмов испанского языка начинают появляться с 1499 года. Наиболее полным из них является собрание испанской фразеологии в десяти томах Хосе Марии Збарби, автор собрал

пословицы, поговорки и присказки. Существует множество фразеологических словарей и других авторов.

В общей сумме авторы выделили несколько признаков фразеологической единицы:

- специфичность и непереводаемость на другие языки;
- наличие метафорического значения;
- форма устойчивого сочетания.

Лингвисты выделяют два подхода к изучению фразеологии: с позиции анализа и позиции синтеза. Иногда используется буквальный перевод, при котором значение фразеологизма раскрывается эксплицитно.

При отнесении словосочетания к классу фразеологизмов появляется необходимость ограничить элементы идиомы от ее внешней дистрибуции. В испанских словарях эти единицы фигурируют как *наречные* или как *глагольные*.

Исходя из лексического состава, исследователи определили лексические варианты ФЕ, по критерию соотносимости или несоотносимости их лексических компонентов. В группе с соотносимыми компонентами можно выделить компоненты-синонимы, компоненты, объединяющиеся на основе идентичности признаков, и компоненты-антонимы.

Первая, вариативная группа представляет собой огромный интерес, в ней наблюдаются свои подгруппы, основу деления составляет содержательная структура варьирующих компонентов (глагол или существительное). Если это глагол, то выделяется около 7 групп глагольных вариантов, а именно глаголы движения (*ir, andar, caminar*), состояния (*andar, estar*), обладания и наличия (*tener, haber, traer*), говорения (*decir, hablar, leer, cantar*), умственного восприятия (*entender, saber*), конкретного действия (*abrir, romper, lavar*) и зрительного восприятия (*mirar, ver*).

Группу с номинативной вариативностью можно также разбить на следующие подгруппы, а именно: части тела, предметы быта, предметы одежды, предметы жилища, название материала, название растений, название животных и др.

Среди ФЕ можно выделить их морфологические варианты, чьи пределы заключаются в форме компонентов. Это может быть факультативное включение служебного элемента (артикля или предлога), варьирование артикля/местоимения/предлога, изменение форм числа неглагольных компонентов, изменения, связанные с выражением категории рода неглагольных компонентов.

На синтаксическом уровне вариативность фразеологизмов обнаруживается в варьировании структуры в пределах именного компонента и лексической заменой глагольного компонента с последующей сменой глагольного управления.

Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун предлагают следующую типологию фразеологических единиц.

Именная группа включает подавляющее большинство субстантивных моделей, они представляются формулами сущ.+прил. (*mosca muerta* букв. дохлая муха «тихоня»)/ сущ.+пред.+сущ. (*carne y uña* букв. мясо и ноготь «одно целое»)/ сущ.+сущ. (*papel moneda* «бумажные деньги»).

Глагольная группа интересна тем, что отображает подчинительные и сочинительные типы связей в испанском языке: предикативные, объектные, привязочные, обстоятельственные и сочинительные. Здесь глагольный компонент несет в себе грамматическое значение и его наличие обязательно.

Еще одна интереснейшая группа идиом с местоимениями *la, las*. Данные местоимения являются формами винительного падежа 3-го лица личных местоимений *ella, ellas* (исп. *cortarlas en el aire* – ловить на лету). В этом случае идиоматичность выражений достигается присутствием

лексически несоотносимых местоимений с существительными и грамматически ничем несогласованных. Явление безотносительного женского рода присуще и другим романским языкам, как итальянский (*suonarla* – сыграть шутку) и французский (*la bailler belle* – морочить голову).

Адъективные фразеологизмы по своей семантической структуре являются предикатами, т.е. имеют значение признака (*de buena pasta* – добродушный, *largo de lengua* – языкастый, наглый).

Занимательную картину представляют **фразеологические обороты с причастием *hecho***, которые выражают результативное значение (*hecho una sopa* – промокший до нитки, *hecho una estatua* – как истукан).

Наречные обороты, передающие качественную характеристику действия, относятся к **наречным фразеологизмам** (*leer un libro de un tirón* – прочитав книгу залпом). Такие обороты могут выполнять функцию образа действия, обстоятельства места, времени, меры и степени, цели и причины.

И завершающая группа идиом с отрицанием в структуре (*no tener las todas consigo* – быть не в своей тарелке, *la sin hueso* – язык, букв. без костей, *a destiempo* – не вовремя, *ser fuera de camino* – быть неблагоприятным) (Курчаткина, Супрун, 1991).

В том или ином устойчивом обороте говорящий дает свою оценку окружающей действительности. Человеку свойственно фокусировать свое внимание на актуальных для него вещах (потребностях), все остальное окружение служит фоном, вследствие этого в языке закрепляются единицы, которые могут быть значимыми для представителя одного народа и совсем неважными для представителя другого. Люди замечают лишь аномальные явления, которые выделяются на общем фоне, отступая от моральных или общественно принятых норм, поэтому чаще объективируется отрицательный опыт познания. При сопоставлении ФЕ из разных языков наиболее ярко выделяется национальная специфика или общность взглядов. Это

обуславливается объективными факторами (природные и культурные явления) и субъективными (одинаковые реалии представлены разными словами). Например, в русском языке нет фразеологизмов со словом *кокос*, это дерево нетипично для русской культуры, а в английской фразеологии много идиом, связанных с морем, скачками и охотой, в то время как испанский язык богат метафорами на тему католической церкви, ее символов и обрядов. В силу совпадения объективной действительности неизбежно появление в разных лингвокультурах фразеологизмов с одинаковым значением, а бывает так, что одинаковые явления вызывают абсолютно разную реакцию (Гишкаева, 2011: 90-91).

В.С. Виноградов рассказывает о принципиальной разнице между языковыми единицами, которые воспроизводятся в речи уже в готовом виде, и словосочетаниями или предложениями, которые организуются в процессе речи. Подразумевается, что закрепленный за этими выражениями смысл хорошо известен носителям языка, и выражение *irse al Prado* будет понято как *потерять цвет, выцвести*, а не отправиться в знаменитый музей (Виноградов, 1994: 149). Знание подобных укоренившихся метафор порой составляет заметную трудность в усвоении иностранного языка и порождает немало каламбуров.

Много устойчивых словосочетаний происходит из глубокой древности, их происхождение тесно связано с жизнью народа и его историей. В семантике переосмысленных свободных словосочетаний отражаются общественные факты, В.С. Виноградов определяет несколько возможных путей их происхождения.

1. **Профессиональная деятельность.** Это и мореплаватели (*a todo trazo* - во всю мочь), рыбаки (*caer en el garlito* – попасть в ловушку), кузнецы (*batir el cobre* – энергично вести дело), пастухи (*a cencerros tapados* – тайком), торреро (*cortarse la coleta* – выйти из игры).

2. **Обычаи, нравы и исторические события.** Например, в XIX веке слово *la gorda* буквально обозначало «революция», поэтому выражение *armarse la gorda* означает «заварить кашу». В выражении *la noche en blanco* (не спать всю ночь) отражен рыцарский ритуал, в котором воин в белой тунике проводил в бдении ночь перед посвящением в рыцарство.
3. **Мифы и фольклор.** Среди них встречается немало интернациональных ФЕ, т.к. многие происходят из Библии, это и *el tacón de Aquiles* (ахиллесова пята), *manzana de discordia* (яблоко раздора), *la caja de Pandora* (ящик Пандоры). Из притчи про осла, который натянул на себя шкуру льва, но не скрыл уши, пришло выражение *asomar la oreja* (выдать себя), а история про то, как Колумб победил в споре, поставив вертикально куриное яйцо, отразилась в словосочетании *el huevo de Colón* (простое решение трудной задачи).
4. **Литература.** Выражение *ponerse el cascabel al gato* (взяться за опасное дело) взято из старинной басни, которая появляется в стихотворной форме в пьесе Лопе де Веги “La esclava de su galán”.
5. **Пословицы и поговорки.** Иногда ФЕ возникают вследствие видоизменения пословиц, как и выражение *el perro hortelano* (собака на сене), которое в полной версии звучит как *el perro del hortelano que ni come ni deja comer al amo* (Виноградов, 1994: 181-184).

Хосе Мария Ирибаррена объясняет историю происхождения фразеологизмов в своем словаре *El porqué de los dichos*, на который ссылается В.С. Виноградов.

В европейском португальском языке, по приблизительной оценке, насчитывают от 7000 до 11000 идиоматических единиц, такие элементы играют одну из ведущих ролей при обогащении способов выразительности языка и придании ему более широкого спектра оттенков в разговорной и

письменной речи. Идиоматизация, как разногласие между внутренним и внешним значением, будучи частичной или абсолютной, помогает обогатить фразеологический инвентарь языка для усиления экспрессивного и стилистического наполнения речи (Klare, 1986: 357).

Как было упомянуто выше, идиомы несут одну из ключевых лингвокультурных функций коммуникации, в рамках данного исследования очень важно понять на чем они основываются и как функционируют в речи. Знакомство с научным описанием предметов исследования дает возможность глубже взглянуть на их фактическую реализацию, о которой будет сказано в следующем разделе.

1.2.2 Фразеологизм в лингвокультурном аспекте изучения

Лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимопроникновение языка и культуры, являет собой одно из направлений современной лингвистики, которое переходит от имманентного характера исследования к антропоцентричному. Она рассматривает явления языка во взаимодействии с человеческим фактором, образом мышления и духовно-практической деятельностью. Формируясь на стыке лингвистики и культурологии как отдельная дисциплина, лингвокультурология оформилась в 90е годы XX в. в трудах отечественных ученых В.Н. Телии, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.И. Карасика и ряда других исследователей. Лингвокультурология рассматривает концепт как культурное явление, как основную категорию отражения ментальности носителей языка (Кондратьева, 2014: 18-21).

Представляется маловероятным изолированное исследование концептов *душа* и *сердце* вне влияния корреспонденции языка и культуры. Последняя является исторической памятью народа и отражается на разных языковых уровнях. ФЕ возникли в языках на основе образного представления о мире, так веками складывалась национальная самобытность народа, духовный опыт и

культурные традиции. Фразеологизмы – это зеркала, в которых можно подглядеть национальное виденье мира (Курчаткина, 2013: 101-102).

Известно суждение Вильгельма фон Гумбольдта о том, что культура отражается в языке народа. Но если понимать культуру как противопоставление деятельности человека природе, тогда и сам язык признается элементом культуры, к тому же одним из важнейших, ибо создается он определенным народом. Следовательно, язык является отражением внеязыковой культуры (Гак, 1991: 260).

Анна Вежбицкая написала целую книгу, посвященную анализу культуры посредством лингвистической семантики. Она говорит об идеях Эдуарда Сепира, которые спустя десятилетия остаются справедливыми, а именно, что язык является символическим руководством к пониманию культуры и что лексика – это чувствительный показатель культуры народа (Вежбицкая, 2001: 13).

Между жизнью общества и лексикой языка, на котором он говорит, существует тесная связь. Автор называет их лингвоспецифичными обозначениями. Они ярко появляются в гастрономической сфере (русские *щи*, японская рисовая водка *sake*).

Владимир Набоков посвятил много страниц, размышляя о проблеме непереводаемости русского слова *пошлость* и его производных на английский язык. Писатель счел, что в английском языке есть вполне приемлемые эквиваленты, но они не в состоянии отразить всю тонкость этого понятия, которое вкладывает в него русский язык. Оксфордский словарь дает два определения слову *пошлый*: обыкновенный и заурядный. Пропускается вкладываемое отвращение и осуждение говорящего, особенно явное в производном *пошляк*. Вежбицкая приходит к выводу, что значения слов из разных языков не совпадают, даже если, за неимением альтернативы, они искусственно определяются как межязыковые соответствия друг другу в

словарях. Такие лингвоспецифичные обозначения передают образ жизни и образ мышления конкретного народа, автор называет их «бесценными ключами к пониманию народа» (Вежбицкая, 2001: 14-18). Такие явления представляют собой всю сложность и проблему при переводе.

В данном контексте нельзя обойти стороной спор о том, что слова «отображают» или «формируют» образ мышления, на который Анна Вежбицкая с уверенностью отвечает, что уместно и то, и другое. Автор аргументирует это тем, что культурноспецифичные слова выступают в роли понятийных орудий, которые содержат прошлый опыт общества и сопровождающие его действия и размышления. Инвентарь понятийных орудий со временем может меняться, однако очевидно, что он оказывает свое влияние. Конечно, у каждого человека возможен альтернативный способ выражения, но его родной язык оказывает влияние на концептуальные взгляды. Это особенно известно людям, которые хорошо знают два разных языка и две разные культуры (Вежбицкая, 2001: 20).

Вежбицкая упоминает о знаменитом отрывке Бенджамина Уорфа, где он повествует о том, что человек расчленяет природу в направлении, которое ему подсказывает родной язык. Знаменитый американский лингвист представляет мир как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, т.е., в основном, языковой системой, которая в нем хранится. Определенный языковой коллектив – это участники соглашения, которое систематизирует и классифицирует материал. Человек расчленяет мир, организует его в понятия и распределяет значения согласно установленному соглашению в рамках системы моделей его языка (Вежбицкая, 2001: 22).

Корнилов О.А. в своей монографии пишет, что язык выполняет функцию фиксации и хранения комплекса знаний и представлений о мире конкретного языкового общества. Картина мира являет собой оформленную систематизацию плана содержания языка. В зависимости от специфики

содержания, автор выделяет научную картину мира (как совокупность научных знаний о мире) и языковую картину мира (субъективное понимание мира конкретным этносом). Автор ссылается на Мартина Хайдеггера, который говорил о том, что мир становится картиной, а вот позиция человека к нему становится мировоззрением (Корнилов, 2003: 4-9).

Язык помогает познавать мир, хранить накопленные знания и передавать их от поколения к поколению. Понять и изучить язык значит научиться воссоздавать в своем сознании особенности иной национальной картины мира. Под национальной языковой картиной мира подразумевается модель описания мира, учитывающая особенности концептуализации явлений реальности одним индивидуумом или нацией в целом (Кобякова, 2014: 212).

Языковое сознание как феномен когнитивного мышления лежит в основе формирования процесса общения и тем самым определяет самосознание языковой личности. Основу самосознания составляют константы культуры, которые в общем формируют национальный менталитет как устойчивую структуру личного и группового языкового мышления. Например, русский народ считает, что душа – это духовное начало, дающее жизнь телу. На Руси бытовало поверье, что душа – это звезда, если люди видели падающую звезду, считалось, что кто-то умер (*душа закатилась*). Душа считалась вместилищем чувств и тем особым компонентом, который делает каждого уникальным (*без души, чужая душа – потемки*) (Кобякова, 2014: 213).

Подобные ментальные модели составляют основу национального менталитета, которые закладывают в сознании говорящего схемы поведения, оценки и способ усвоения окружающей действительности. Однако, при своем формировании, концепты не зависят от языковой формы выражения, они включают в себя гораздо больший объем, который дополняют внеязыковые средства (Кобякова, 2014: 214).

Однако не все лингвисты готовы принять априори закрепление за фразеологическим корпусом языка его национально-специфических черт. Д.О. Добровольский и А.Н. Баранов отмечают, что национально-культурная специфика является традиционной темой для фразеологических исследований, при этом авторы не торопятся признавать своеобразие того или иного языка как уникальное, опираясь на интуитивные и теоретические соображения. Авторы пишут, что большинство идиом и образно-метафорических единиц лексикона редко находят абсолютный эквивалент в других языках из-за разницы в технике номинации, а не по причине своего национально-культурного своеобразия. Наличие столь расхожих взглядов авторы объясняют несторожностью понятий, которыми руководствуется лингвистика, и спецификой самой фразеологии, в которой трудно достичь всей формальной строгости (Баранов, Добровольский, 2008: 251-252). Несовпадения обнаруживаются в образном выражении плана содержания близких по значению идиом, или в смысловой разнице, казалось бы, схожих по компонентному составу фразеологических единиц. Русское *дохлый номер* и немецкое *das kannst du vergessen* (букв. «можешь забыть об этом») имеют разный план выражения, и общий план содержания, в то время как английская идиома *to throw dust into someone's eyes* (букв. «кидать пыль в глаза») и русское *пускать пыль в глаза*, несмотря на похожий план выражения, имеют разное значение: английское выражение подразумевает «сбивать кого-либо с толку», а русское – «пытаться представить свое положение лучше, чем оно есть». Опираясь на приведенные доводы, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рассуждают, что анализ языковых различий можно проводить в рамках семантики, не задевая сферу национальной специфики, допуская, что в некоторых случаях одних семантических объяснений может быть недостаточно (Баранов, Добровольский, 2008: 252-255).

Следуя своим размышлениям, авторы предлагают выяснить сущность национально-культурного компонента во фразеологии. Существует два

крайних взгляда на этот вопрос: одни считают, что подобный компонент представлен словами-реалиями, такими как *самовар, лапти, щи* и пр.; а другие включают максимально широкий круг языковых явлений в понятие национальной культуры. Последняя точка зрения восходит к идеям В. Гумбольдта о внутренней форме языка и воплощении в ней духа нации (Баранов, Добровольский, 2008: 255).

В идиоматике многих народов представлены противоположные ценностные установки, или бывает, что одинаковые ценности находят выражения во многих языках, что не совсем подходит для присвоения им национально-культурного статуса. Данную дилемму можно объяснить разностью подходов, если исследование ставит перед собой цель нарисовать черты народа инструментами языка, тогда оно носит скорее лингвофилософский характер, а лингвистическая задача сводится к описанию и объяснению особенностей употребления единиц языка (Баранов, Добровольский, 2008: 257). Чтобы решить вопрос национального своеобразия, стоит решить, каким подходом руководствуется рассуждение: если это определение национальной специфики относительно другого языка, тогда такой подход называется сопоставительным. Второй, интроспективный, подразумевает национальную маркированность языковых единиц вне сопоставления с другим языком (Баранов, Добровольский, 2008: 258).

Во внутреннем плане содержания фразеологизмов выделяется актуальная и образная составляющая. Актуальная составляющая в некой мере универсальна для всех языков, а вот в образной составляющей можно обнаружить культурно-мотивированные различия между языками (Баранов, Добровольский, 2008:260). Следует сделать упор на случаи, в которых прослеживается культурно-значимый элемент. Например, *Тушинский двор* или *при царе Горохе*, где процесс демегафоризации требует привлечение необходимой культурно-исторической информации. Обращение к внутренней форме идиом дает возможность увидеть разницу в интерпретации сходных

явлений реальности при помощи языковых средств. И лишь немногие из таких концептуальных различий окажутся культурно-значимыми (Баранов, Добровольский, 2008: 262).

Сам факт наличия разницы в способе мышления еще не несет культурной значимости. Английская пословица *to put all one's eggs into one basket* (букв. «класть все яйца в одну корзину») представлена аналогом в русском языке *ставить все на одну карту*. В подобном случае речь идет не о значимости корзин и яиц для англичанина, или роли карты в культуре русского человека, а о чистой языковой случайности (Баранов, Добровольский, 2008: 263).

Существует гипотеза зависимости между пониманием иностранных фразеологизмов и наличием сходных когнитивных структур в языке реципиента. На примере выражений из Корана можно наглядно объяснить ситуацию: выражения, которые дословно переводятся как «укреплять чьи-либо столпы» - это укреплять кого-либо в вере, а «возложить на его взоры пелену» - лишить умения отличать ложь и истину. Здесь сложно представляется иная трактовка русским языком-реципиентом. А вот следующие выражения могут внести ошибочную трактовку: с арабского буквально «сжимают свои руки в кулаки». Кулак дает ассоциацию с дракой или боем, состоянием сдерживаемого гнева. А вот арабский язык понимает это выражение как проявление скупости, открытая рука – щедрость, зажатая – жадность. Еще один пример с идиомой, чей буквальный перевод звучит как «сделать чью-либо грудь тесной, узкой». Из-за отсутствия иных когнитивных аналогов это выражение ошибочно может быть понято как проявление тоски, тяжелого чувства, тогда как в Коране оно подразумевает «поставить кого-либо в трудное положение, лишить возможности идти верным путем». Именно такие различия носят неслучайный характер и говорят о разных путях осмысления переживаемого опыта разными языковыми сообществами. Однако даже такая когнитивная обусловленность не является принадлежностью к национальной культуре, т.е. Д.О. Добровольский и А.Н.

Баранов придерживаются точки зрения, что нельзя автоматически подвергнуть отождествлению когнитивное и культурное (Баранов, Добровольский, 2008: 266).

Регулярные концептуальные различия во фразеологии сопоставляемых языков должны отражать специфику наивного сознания носителей одной культуры в отличие от сознания носителей другой. Примером этого утверждения служит выражение, которое употребляют носители одного нижненемецкого диалекта, когда разбивается фарфоровая чашка *de Seele geht nao de Fabrick hen*, что букв. «душа возвращается на фабрику». Здесь мы видим персонификацию фарфоровой посуды, учитывая этот момент, можно прийти к заключению, что акт изготовления чашки уподобляется акту творения. Однако на этом данная когнитивная схема не останавливается, подобный образ мышления говорит о представлении души как материальной сущности, поэтому у народа, который говорит на данном диалекте, существует обычай оставлять тело умершего перед чердачным окошком, чтобы душе легче было найти выход. Этот обычай нашел отражение в самом наименовании этого окошка – *Liekspier* (от *Liek* «труп»), в выражениях букв. «он в последний раз смотрит в чердачное окошко» или «он высунул нос в чердачное окошко» со значением «он умер». Такое обыгрывание обычая языковыми средствами говорит о его значимости, т.е. можно судить о его культурной специфике (Баранов, Добровольский, 2008: 268).

Символ, как фразеологическая составляющая, равным образом занял свою нишу в общей картине изучаемого вопроса. Повторяя вышеописанное условие, чтобы символ стал национально-специфической чертой языкового коллектива, необходимо культурно-значимое противопоставление этого символа в языках разных народов. В данном случае, интересна символика цифр, которая уходит корнями к ранним религиозным явлениям. В русском языке это число *семь*, сакральное для христианства (семь таинств, седьмой священный день недели, семь дней творения и т.д.), в японском – *восемь*

(страна восьми островов, а сам иероглиф, обозначающий цифру восемь, напоминает раскрывающийся веер, что ассоциируется с достатком и процветанием, поэтому эта цифра обрела положительную коннотацию в устойчивых выражениях). В английских ФЕ часто появляется число *девять*, которое объясняется своим значением в германской мифологии (девять миров в северогерманских мифах, девять низших божеств, мера расстояния в девять шагов, девять жизней у кошки) (Баранов, Добровольский, 2008: 268-261).

Национально-культурный компонент плана содержания фразеологических единиц, как мы видим в представленных рассуждениях, в основном передается образными средствами, которые имеют когнитивное различие между сопоставляемыми языками. Следует помнить, что разное языковое означивание может носить чисто семантический или случайный характер, а если таковое действительно объясняется непохожестью когнитивного процесса, то необязательно, что оно представляет важность для национальной культуры, а если и представляет, то скорее всего оно относится к мифологическим или фольклорным верованиям, и разумеется, такое означивание не всегда делается носителями языка осознанно (Баранов, Добровольский, 2008: 272).

В существующем мире довольно сложно найти нечто однозначное, и изучаемая тема не стала исключением. В таком, казалось бы, дружном взгляде рассуждений, высказанными А. Вежбицкой, Н. Курчаткиной и др., на тему связи национально-культурного колорита языкового сообщества и фразеологического корпуса языка нашлось место совершенно несхожим взглядам А.Н. Баранова и Д. О. Добровольского, которые несколько иначе подошли к рассмотрению вопроса, выходя за рамки привычных суждений.

Одной из задач данной работы стал поиск национально значимых языковых единиц с заданными компонентами для лузофонов и испаноговорящих жителей Пиренейского полуострова, если таковые найдутся. Опираясь на подход к национальной специфике в понимании А. Н.

Баранова и Д. О. Добровольского, для выполнения поставленной задачи стоит воспользоваться интроспективным подходом, предлагаемым исследователями. Здесь они предлагают апеллировать к языковой интуиции говорящих, объясняя это наличием имманентного характера того или иного устойчивого высказывания, которое бы прозвучало неуместно в устах иностранца, т.е. подобные языковые единицы считаются сугубо своими, национальными. Такой подход подразумевает отдельное исследование, которое не вмещается в рамки данной работы, однако А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский приводят несколько особенностей формальной организации интересующих нас единиц, чье описание представляет собой известную ценность при выполнении поставленной задачи.

Одним из таких способов организации является осложнение формы посредством рифмы или звукоподражания (*тишь да гладь, авось да небось, огород городить*). Другой способ прибегает к маркированности одного из компонентов фразеологического единства именем собственным и его производными (*во всю ивановскую, показать кузькину мать*), героем мифологии (*к лешему*), словом-реалией (*моя хата с краю*) и архаичным компонентом (*бить челом, за тридевять земель*) (Баранов, Добровольский, 2008: 272-277).

Концепты *душа* и *сердце* рассматриваются в данном исследовании как компоненты фразеологических единиц, следовательно, в ходе работы были освещены вопросы их теоретического обоснования в свете способов образования, структуры, происхождения, взаимодействия с другими языковыми единицами и пр. Учитывая задачи работы стало необходимым разобраться каким образом фразеологический элемент языка обнаруживает национально-культурный колорит народа, какова связь между устойчивыми выражениями и менталитетом. Сделав выводы, что не все так очевидно, как кажется на первый взгляд, однако определившись с подходом к изучению

вопроса, можно приступить последующему выполнению поставленных задач, а именно обратиться к истории этих слов.

1.3 Исследование компонентов фразеологических единиц *душа* и *сердце* в кросскультурном аспекте

Подобно картине, заключающей в себе целую историю, так и предлагаемое исследование относится к предметам, которое имеет вековые корни, поэтому непременно стоит обратиться к истокам. В.Л. Макарова в своей работе по семантической структуре латинского слова *cor* пишет о том, что испанское слово “*corazón*” – сердце, происходит от латинского *cor*, а оно в свою очередь восходит к индоевропейскому **k'erd* со значением «центр, середина». Этот индоевропейский корень вырос в греческий *καρδιά* – «сердце, сердцевина», в арм. *sirt*; др.-лит. *širdis*, латыш. *širds*; гот. *hairtins* (форма генетива), др.-в.-нем. *herza*, нем. *Herz*, англ. *heart*; словен. *srce*; чеш. *srdce*, словац. *srdce*, болг. *сърце*, др.-рус. *сьрдыце*, ст.-сл. *сьрдыце*, фр. *coeur* (Макарова, 2008: 143).

Если обратиться к этимологическому словарю Короминаса (Corominas, 1984: 188), то можно обнаружить этимологию слова *corazón*, общую и для португальского *coração*, которая взяла начало от латинского **coration*, *corationis*, а оно в свою очередь произошло от *cor*, *cordis*. Латинский суффикс –*tio*, который передавал действие или движение, позднее оформился в испанском языке как –*ción* и –*zón*, а в португальском в –*ção*.

Оксфордский словарь латинского языка дает несколько определений слову *cor*, и первое из них – это орган тела. Как орган сердце уже было известно древним людям, это одна из лингвистических универсалий, которая имеется у всех народов. Цицерон упоминал, что сердце связано с частями организма при помощи вен и артерий, он сравнивал биение сердца с колебаниями огня. Люди во время охоты наблюдали, как быстро пульсирует только что исторгнутое

сердце, отсюда происходит синонимичный ряд *стучит, колотится, дрожит*, что послужило метафорой тревоги и страха. Сильное эмоциональное потрясение, будь оно приятное или негативное, вызывает учащенное сердцебиение, иными словами, описание эмоций или переживаний в языковой форме пришло от понимания психофизиологических процессов, протекающих на фоне ситуации.

Второе значение *cor* представляется как центр человеческого существа, здесь сердце понимается как дух и душа. С одной стороны сердце – это центр жизненных сил, с другой – средоточие разума и памяти, поэтому сердца хранят воспоминания. В латыни метафора «держать в памяти» звучит как «держать в сердце» (Макарова, 2008: 145). В современном английском языке эта роль сердца сохранилась в выражении *to learn by heart* («выучить сердцем») - выучить наизусть.

Сенека пишет о сердце как об источнике энергии, центре, от которого расходится сила, порождающая состояние частей тела. Цицерон пишет о сердце как о посреднике души и тела, сердце и есть разум, поэтому в латыни безумные называются *excordes*, сумасшедшие – *vecordes*, единодушные – *concordes*, а *concordia* это «единение сердец». Сердце в своих глубинах таит знание, мистическую интуицию, поэтому сердце знает верные ответы и зреет прямо в суть вещей.

Сердце как орган тела выражает настроение, эмоции и черты характера. У латинских авторов сердце в поэтической метафоре передает страдание, отвагу, заботу, страх и ужас, грусть, гнев и ярость (в рус. «сердиться» - сделать что-то «в сердцах»). Для выражения нежной привязанности сердце может стать синонимом «возлюбленный» (Макарова, 2008: 148).

В.Г. Гак пишет, что на происхождение ФЕ с компонентом *сердце* повлияла библейская традиция. В Библии оно приобретает смысл как «разум» и «жизнь». В современном языке оно трансформировалось в ассоциацию с

чувствами и эмоциями. *От избытка сердца говорят уста* в современном сознании будет трактоваться как от «избытка чувств», в то время как исходное библейское значение несет в себе «говорить о том, о чем человек много думает». Здесь прослеживается наглядный путь преобразование сердца-разума в сердце-чувства. В Средние века сердце стало символом силы духа и храбрости, но уже в расцвет рыцарских романов и лирической поэзии сердце становится символом чувств и любви (Гак, 1991: 264).

Зачастую концепты *душа* и *сердце* ставятся в синонимичный ряд, краткий обзор статей фразеологического словаря показывает, что компонент *душа* может заменяться компонентом *сердце* и *vice versa*. Краткий словарь когнитивных терминов определяет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Кубрякова, 1966: 90). На основе этой дефиниции Арват Н.Н. делает вывод, что концепт *душа* это один из ментально-психических комплексов, который отражает опыт и знания человека о его социальной и духовной жизни. *Душа* является в высшей степени абстрактным и универсальным понятием, которое включает в себе единичное и особенное (Арват, 2003: 94).

Некоторые психологи утверждают, что концепт *душа* сложился из стремления постигнуть тайну смерти, которая связывается с прекращением дыхания, поэтому дух ассоциируется с воздухом, легким и неуловимым. В древнегреческой мифологии известен образ Психеи, которая олицетворяет собой дыхание и душу. Она – это жизнедеятельное начало, которое принимает на себя управление поведением человека на протяжении его жизни. Из древних представлений веками складывалась концептосфера *души*, вбирая в себя общечеловеческие, национальные и личные черты характера,

вербализируя их в собственном языке. В религии это понятие сохранило свое жизненное начало, как нечто отдельное от человека, более высокая часть духовного мира (Арват, 2003: 94).

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля рассказывает о душе как о духовном бессмертном существе, одаренном разумом и волей. В более общем значении это человек с духом и телом, а в более тесном это бестелесный человек или жизненное существо, воображаемое отдельно от тела.

В русском фольклоре *душа* может быть отнесена и к животному, однако в современном языке сохранилось лишь обращение к человеку *душа моя*. Концептосфера этого слова развивалась в употребление слова *душа* в значении *человек (нигде ни души)*. В подобном направлении шло развитие атрибутивной модели «человек и его профессия/характер/происхождение». Например, *русская душа* это человек открытый, активный, а *немецкая* – точный и пунктуальный. *Французская душа* отличается тонкостью вкуса, а *английская* – чопорностью и строгостью. Подобные модели отражают привычки и склонности целого народа, его черты характеры, которые обусловлены образом жизни, климатом и видом деятельности: *профессорская, морская, казацкая душа*. Не миновала эту участь и принадлежность к вероисповеданию: *христианская, мусульманская душа*. Суждение о месте происхождения человека нашло себя в выражениях *столичная, сельская, южная душа*. При помощи подобных моделей можно выразить гастрономические предпочтения: *макаронная, котлетная душа*; и даже возрастные или половые особенности: *детская, женская или девичья душа* (Арват, 2003: 95-96).

Душа может передавать физическое или эмоциональное состояние человека (*влюбленная, измученная душа*). Особое распространение получила модель, предназначенная для передачи эмоционального спектра при помощи глаголов состояния, так *душа тоскует, радуется, плачет* и др. На этом метафоризация не прекратилась и нашла воплощение в сравнительных

оборотах: *душа как тяжелый камень, душа как потухающий огонь, как ребенок душою стал*. Развитие концептосферы слова *душа* прошло путь от церковных текстов, где этот концепт понимался как нечто отдельное от тела, к более реалистичному толкованию, где центральным понятием стал сам человек вместе с его социально-психическими чертами и жизнедеятельностью (Арват, 2003:97).

Язык – это особый код сознания и менталитета, он требует знаний его механизмов и способов их работы, необходимые для кодирования и дешифровки. Духовно-нравственный опыт передается из поколения в поколение, кодированный системой концептов, фразеологическим корпусом и другими механизмами. Для русского сознания ядро концепта *душа* несет в себе следующие признаки: признак невидимости (*глаза зеркало души*), соотнесенность человека с его чувственным миром, высшая ценность, зависимость от Творца (Буянова, Ерошенко, 2003: 204-205).

Развитие современной лингвистики направленно на изучение взаимного воздействия речевых явлений и человеческого фактора. Результаты воздействия когнитивных процессов на языковом уровне выделяют особенности того или иного этноса, например, в украинском языке при проявлении теплых эмоций и высказывании положительных чувств *душа розквітає, на серці гарно, душа радіє, очі грають*. При высказывании тяжелых переживаний и страха *серце нис, душа перевертається*. Обнаружив широкое разнообразие эмотивных идиоматических единиц с ментальными компонентами, которые реализуют оценочное восприятие переживаемого опыта, можно судить о присущем украинскому народу кордоцентризме (Дюська, 2014: 33-34).

Идиомы языка служат зеркалом для идентификации народного самосознания. Такие суждения легко приводят к образованию стереотипов, однако это не значит, что каждый представитель определенной нации обязан им соответствовать. В Британии широко развита культура питейных

заведений (пабы), в связи с этим в британском варианте английского языка существует широкое разнообразие ФЕ на эту тему: : *to have been in the sun* (разг.) - «нажраться», быть сильно пьяным, *to have been in the sunshine* (разг.) - быть пьяным, «надраться», *to have the sun in one's eyes* (разг.) - «нажраться», быть сильно пьяным, *to take one's drops* - напиться, *to have a drop in one's eye* - быть навеселе, выпить и др. Британский вариант английского языка отличается разнообразное количество компонентов-метеонимов в разговорной речи (с одним только компонентом *ветер* насчитывается 32 единицы), что обуславливает экстралингвистический фактор островного расположения страны (Федорова, 2015: 193-194).

Западно-романские языки (итальянский, португальский, испанский и французский) породили огромное количество фразеологических единиц, описывающих различные явления, качества и свойства окружающего мира при помощи метафорической транспозиции гастрономического элемента. Такая распространенность свидетельствует о важности еды в практической жизни и об ее культурологической значимости. Такие единицы могут отражать состояние человека : порт. *ter o vinho triste* (иметь грустное вино) – быть грустным во хмелю; фр. *avoir le vin mauvais* (иметь плохое вино) – быть злым во хмелю. Компонент *хлеб* составил емкую парадигму фразеологизмов, которые передают концепт смерть: фр. *perdre le goût du pain* (потерять вкус хлеба) – сыграть в ящик, умереть; итал. *finire di mangiare pane* (закончить есть хлеб) – отправиться на тот свет, умереть; образ доброго человека: исп. *bueno como el (buen) pan* (хороший как хлеб); образ скряги или бедности: порт. *pão-duro* (*pães-duros*) (жесткий хлеб) – разг. скупец, скряга; итал. *pane duro* (жесткий хлеб) – нищета, бедность. Виноград как символ здоровья, достатка и красоты: *bessare l'uva a qd* (итал. получить виноград кого-л. – отбивать у кого-л. возлюбленную; ухаживать за чьей-л. женой); *ser una uva* (исп. быть виноградом – быть молодой, красивой) (Вардазарян, 2012: 16-19).

Интерес к самому себе идет верным спутником на протяжении всей человеческой истории. Задумываясь о своей природе, человек мыслит свое устройство в рамках наивной анатомии. Для европейской цивилизации ключевыми понятиями такого представления стали *ум*, *душа* и *совесть*, как источники рационального, эмоционального и социального. Эти воображаемые органы скрыты для глаз человека, но он постоянно сталкивается с результатами их функционирования (Голованивская, 1997: 123).

М.К. Голованивская видит взаимосвязь понятий *совесть*, *разум* и *душа* с трехступенчатым строением личности по теории Зигмунда Фрейда: «сверх-я» соотносимо с совестью, «я» - с разумом и «оно» - с душой. Последняя, в силу своего религиозно-мифологического представления, обрела вид бессмертной нематериальной части человеческого существа в представлении европейских народов. У неевропейских народов подобный элемент отсутствует, а представления, эквивалентные данному понятию олицетворяют кровь, части тела и органы. Согласно первобытным представлениям,местилищем души могла быть птица, поэтому она нередко выступала символом этого понятия. Душа могла перемещаться в дерево и воду, а после смерти – в насекомых. Греки изображали душу в виде бабочки, вылетающей из личинки, они верили, что душа с приходом смерти вылетает через рот, отсюда и родился этот красивый метафорический образ (Голованивская, 1991: 124-125).

В русском языке *душа* и *сердце* представляются хранилищем чувств человека. Душа может ассоциироваться с сосудом (*глубина души*, *душа полна/пуста*, *наплевать в душу*, *излить душу*). Идя вслед за этой водной ассоциацией, вспоминается более первобытная связь женского начала с детородной функцией, и понятие души также взяло на себя идею зарождения (*в душе зародилось/росло*). Образ души совмещает в себе и образ хлеба (*черствая/грубая душа*). Не остался в стороне и процесс персонификации,

ярко выраженный во фразах *душа радуется, ликует, поет, томится* и т.д. (Голованивская, 1997: 130-1310).

Теперь, когда понятны истоки происхождения представлений о душе и сердце у представителей разных народов и временных эпох, становится ясной взаимосвязь употребления этих единиц в разных языках, поэтому стоит перейти от обзора материала по теме к самому исследованию.

Выводы по главе I

Понятия о душе и сердце восходят к древнейшим временам и занимают одно из центральных мест в религии и философии в силу своей специфики. Древним людям было неплохо известно физиологическое устройство человека, это сыграло свою роль, и слово *сердце* обрело метафорическое выражение чувств и переживаний в языке. Душа имеет нематериальный характер, поэтому размышления о ней основываются больше на религиозных воззрениях. Философами и богословами она мыслится как высшее духовное начало, отдельное от человека, а когда ход исследования направился к лингвистическим работам, стало ясно, что путь осмысления души как части божественного свернул к отождествлению души с самим человеком. Подобная участь постигла и сердце, которое в библейской традиции подразумевалось, как разум, истинное знание, хранитель памяти, а с ходом времени переосмыслялось и стало средоточием чувств и сосудом с эмоциями. Во многих языках слово *сердце* восходит к общему индоевропейскому корню, что говорит о сильной связи сердца и его понимания как центра человеческой природы. Оно считается обителью души, которая, подобно дыханию, наделяет все материальное жизнью.

Душа и *сердце* составили целый пласт в общем фразеологическом фонде языков. Фразеологизм, как устойчивое словосочетание с

переосмысленным значением, выполняет в языке роль воспроизведения накопленного временем опыта предыдущих поколений, их мировоззрения и своеобразия осмысления реальности. Остается вопросом, нашли ли эти два концепта свое воплощение в качестве национально-культурных маркеров испано- и португалоговорящих языковых коллективах, или наряду с другими эквивалентами разных языковых групп выполняют функцию общих в своем числе реалий окружающей действительности.

ГЛАВА II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ *ДУШИ* И *СЕРДЦА* НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

2.1 Образы человека, передаваемые посредством концептов *душа* и *сердце* в испанском языке

Язык антропоцентричен, а концепты *душа* и *сердце* неразрывно связаны с человеком, следовательно, и рассматриваемый материал будет связан с образом человека в языковой картине мира. Душа и сердце расцениваются как вместилище человеческих чувств, подвластных сознанию или нет. Оба слова описывают эмоциональное состояние человека, внешнее воздействие на его внутренние психические ощущения, изменение личности и раскрытие подлинных чувств и желаний. Как передают чувственные переживания или качественные характеристики идиомы с заданными компонентами рассмотрим ниже.

2.1.1 El alma

В ходе анализа компонента *alma* в испанских фразеологических единицах, было решено классифицировать их согласно характеристикам, которыми наделяется человек. В силу своей природы, слово *alma* часто связано с библейскими персонажами: *alma de Caín*, *alma de Judas* (душа Каина, душа Иуды). Помня истории персонажей братоубийцы и самого подлого предателя, данное словосочетание вполне естественно приобретает крайне отрицательную коннотацию и передает **образ подлого и низкого человека**. Например, компаративный фразеологизм как *más negro que el alma de Judas* (он подлее, чем душа Иуды) или *falso como el alma de Judas* (лживый, как душа Иуды). Образ ненадежного и подлого человека передается и при помощи выражений *alma atravesada* (лживая душа), и *alma de caballo* (лошадиная

душа). Последняя фраза относится к человеку, который без сомнения совершает дурные поступки.

Образ простофили и человека невысоких умственных способностей нашел воплощение в испанском языке в выражении *alma de cántaro* (душа кувшина), где наблюдается ассоциация с пустым, как кувшин, и глупым человеком.

Эгоистическое и бесчувственное поведение имеет связь с твердым и неподдающимся материалом, например, деревом. В русском языке тоже присутствует похожее определение, когда человек не проявляет сочувствия, говорят, что он деревянный или что у него каменное сердце. Испанский язык наделил этим качеством черный тополь - *alma de chopo*, и *alma de embudo* - душа воронки. Последнее несет в себе значение эгоиста, который равнодушен к чужим горестям, но требует внимания к своим собственным, таким образом напоминая воронку, в которой пропадает все, что оказывается. Кстати, из-за схожести формы второе название цветка калы звучит как *flor de embudo*.

Если человек отличается **равнодушием или неторопливостью**, про него скажут, что *a él se le pasea el alma por el cuerpo/ a él le baila alma en el cuerpo* (у него душа гуляет/танцует по телу), другими словами, душа не на месте, в середине, в сердце, а непривязанная, распушенная. Или совсем потеряна, тогда про такого человека скажут, что у него нет души, а, следовательно, нет и чувств – *no tiene alma*.

Глагол обладания довольно часто встречается в анализируемых идиомах, что вполне объяснимо материальным наличием сердца, как органа, и частой материализацией души (вспомним историю про фарфоровую чашку в одном нижненемецком диалекте). Логично, что, если у человека нет души, то он воспринимается как бесчувственный чурбан, а вот ее наличие придает характеру волю, поэтому о **смелости и отваге**, проявляемых в поступках,

скажут, что *tiene alma* (у него есть душа), *tiene alma bien puesta* (у него душа в правильном месте), *tiene su alma en su almarío/en su cuerpo/en sus carnes* (у него есть душа в своей обители/в теле/во плоти). С глаголом обладания *tener* в речь вошли и другие ФЕ, выражающие **выносливость и решительность**: *tener mucha alma* (иметь много души), *tener más alma que un caballo* (иметь больше души, чем у коня). Схожесть мысли прослеживается и в русском языке, в котором трусость называется малодушием, в человеке нет мужества, когда мало души. Образное сравнение с лошастью вполне понятно, лошадь помогает вспахивать поле, она неотъемлемый атрибут простой крестьянской жизни, верный соратник воина. Лошадь всегда олицетворяла собой силу и благородство. Образное сравнение с животными всегда интересно само по себе, оно вызывает ассоциативный ряд, который может не совпадать в разных языках. Даже в пределах испанского языка образ лошади получает две противоположных коннотации. Еще трусость и малодушие передается сравнением с комаром – *tener menos alma que un mosquito* (иметь души меньше, чем у комара). Подобное образное сравнение присутствует и в украинском языке, там выражение *з горобину душу – с воробиную душу* используется в значении «мало».

Если человек совершает дурной поступок, это остается на его **совести**, а у испанца это останется на душе (*tener una cosa en el alma*). Второе значение этого выражения заключается в **сострадании** всей душой, сочувствии, что в русском языке берет на себя слово *сердце* (принимать близко к сердцу). Чтобы действовать без зазрения совести, надо запрокинуть душу назад (на спину) – *echar el alma atrás (a las espaldas)*.

Чувство глубокого страдания передается и другой идиомой с глаголом обладания и с причастием *hecho*, носящее результирующий характер: *tener el alma hecha un nudo* (иметь душу, завязанную в узел) – глубоко **страдать**, испытывать душевную боль. И снова прослеживается синонимичность души и сердца даже на уровне разных языков, если у испанца от страдания

завязывается в узел душа, то у русского *сжимается сердце*. В испаноязычном понимании при страдании душа падает на землю – *se le cayó el alma al suelo*, или в ноги – *con alma en los pies* (когда у русского человека при испуге душа уходит в пятки). В русском языке страдание отразилось подобным образом падения и в выражении «с упавшим сердцем».

Найденный материал разнообразен с точки зрения своего состава, уже были упомянуты адъективные конструкции (по модели *alma de* сущ.), однако о них будет сказано чуть больше позднее, единицы с причастием *hecho*, и теперь проанализируем единицу с другим причастием в своей структуре. *Tener el alma parada* (иметь остановившуюся душу) – прийти в состояние **оцепенения** и перестать соображать. Схожее состояние, когда с **замиранием сердца** человек едва дышит, передается в испанском как образ души, повисшей на ниточке – *estar con el alma en un hilo/ pendiente de un hilo*.

Изначально в латыни *anima*, от которой происходит испанское *alma*, означало воздух, дуновение, т.е. движение. В современном языке это значение сохранилось в глаголе *animar* – воодушевлять, оживлять, или иначе, приводить в движение. Когда душу прерывают в основном ее проявлении, человек пребывает в растерянности и оцепенении. Чтобы что-то **оживить и вдохнуть в жизнь**, в испанском мировоззрении необходимо дать вещи душу - *dar alma a una cosa*. Чтобы **поощрить** человека и побудить его на действие, ему дают душу и жизнь - *dar alma y vida*.

Если человек **ни перед чем не остановится** на пути к поставленной цели, он готов продать душу дьяволу, чтобы ее добиться всеми возможными и невозможными способами. Если вдруг он внезапно разбогател, то про него скажут *dió el alma al diablo*.

А вот выражение «отдать Богу душу» имеет одинаковое значение (*dar el alma a dios*) и в испанском языке, что служит метафорой слову «**умереть**».

Здесь наблюдается варьирование глаголов со схожим значением (*entregar, rendir*). Синонимичные фразы со значением «умереть» звучат как *dar/despedir/entregar/exhalar/rendir el alma* или *se le salió el alma* (из него вышла душа). Ничто живое не может существовать без души, которая вдыхает жизнь, в это верили еще древние, и эти убеждения остались в испанской фразеологии.

Связь души с Богом (по одной из теорий, душа дается Богом при рождении) осталась в выражении *no deber más que el alma a Dios* – **не быть никому нечем обязанным**, кроме Бога своей душой.

С глаголами говорения связано **предчувствие** – *me dice el alma* (мне говорит душа), в русском языке «чувствует сердце». Говорить что-то чьей-то душе – *hablar al alma* – значит **говорить напрямик**, по душам. А вот сказать что-то своей душе – *decir una cosa para su alma* – это подумать что-то про себя, когда ни одна душа не узнает. Последнее образное выражение имеет свой аналог и в испанском языке, его план выражения *alma nacida/viviente* (живая душа) в отрицательной конструкции понимается как «**ни души**», «ни одна живая душа». Употребление слова «душа» в значении человек проявляется и в обращении *de mi alma* – милый, дорогой (моей душе).

Бывает, что душа срывается с уст – *se le escapa el alma por la boca*, для испаноязычного носителя это значит, что у человека **душа нараспашку**, что у него на уме, то и на языке. А вот если душа находится во рту (*estar con el alma en la boca*), то человек находится **при смерти**, еще древние греки верили, что, когда человек умирает, его душа вылетает через уста.

Примерно схожая логика замечена во фразеологизме *echar el alma por la boca* (выбрасывать душу на уста), а означает она «**работать до изнеможения**», «вкалывать», что тоже грозит расставанием с душой. Синонимичная ему идиома *traer el alma en la boca* (носить душу во рту) означает страдать и мучиться.

Беспокойство выражается в языке как неправильное расположение души, когда она возвращается на место, соответственно, это приносит **успокоение**. *Volver el alma al cuerpo* значит успокоится, в русском фразеологическом фонде существует подходящее сравнение «словно камень с души свалился».

Антитеза «добро – зло» часто отражается в противопоставлении «Бог-дьявол», однако в испанском мировоззрении упоминание дьявола не вносит резко негативную окраску, здесь скорее именуется другой ассоциативный образ-нарушения спокойствия, буйства и мятежа. С этим компонентом существует наречная идиома, которая употребляется с глаголами движения *correr, huir, ir, salir como alma que lleva el diablo* – бежать во весь дух, **стремительно** и во всю прыть.

Воплощение **доброго** человека передают выражения с компонентами положительной коннотации: *alma bendita* (благословенная душа), *alma de dios* (божья душа), *buen alma* (добрая душа). Такие фразы связывают с портретом доброго малого, добряка и бесхитростного человека. **Искренность** нашла свое воплощение во многих фразеологизмах с компонентами *serdце* и *душа*, по сути своей они и есть истина, начало выше человеческой природы. Говорят, что глаза – это зеркало души, похожих взглядов придерживаются и испанцы. Если человек весь как на ладони, то скажут, что душа танцует в его глазах, или из них выходит – *le baila el alma en los ojos/ se le sale el alma por los ojos*. Если говорящий говорит о чем-то, что находится у него в душе (*en el alma*), значит, что он подразумевает искренность своего отношения.

Желание сделать что-то **очень охотно**, облекается выражениями *con toda el alma* (со всей душой), *con mil almas* (с тысячами душ) – не в первый раз встречается квантитативная оценка души, *con (el) alma y (la) vida* (с душой и жизнью) – в последнем примере возможно факультативное использование такого служебного элемента, как артикль.

Еще одним показателем отношения к душе как к чему-то истинному или правдивому является выражение *alma del negocio* – подоплека, **ИСТИННЫЙ СМЫСЛ** или цель.

Наличие души или ее состояние напрямую рисует портрет самого человека, ведь поначалу душа мыслилась как высшее духовное начало, отдельное от человека, а затем, по ходу времени, постепенно стала означиванием самого слова «человек». Когда кто-то расстаётся с душой, это означает смерть тела, а если кого-то лишить ее, это значит **убить**, лишить жизни (*arrancar el alma* – вырвать душу). В эмоционально окрашенной речи в словах испаноязычного носителя может вырваться *¡te saco el alma!* – Я из тебя душу вытряхну! (Я убью тебя!). Не всегда понятие «вышибить дух» имеет прямое значение, иногда оно подразумевает **причинение вреда**. Подобным значением обладает ФЕ *romper el alma* (сломать душу).

Душа в языковом выражении персонализируется собственными человеческими ощущениями, когда говорящий **страдает**, он говорит, что у него болит в душе (*me duele en el alma*), если затрагиваются самые сокровенные струны души от прикосновения к ним, то испанец так скажет *me tocó en el alma* – **глубоко тронуло**, в самой душе.

Как самое сокровенное, человек носит в душе свои эмоциональные привязанности, *llevar a uno en el alma* (носить кого-то в душе) означает **любить** кого-то.

В сознании испанского народа присутствует понимание, что человек в ответе за свои решения, все, чем он распоряжается и чем располагает, находится под его ответственностью – *su alma en su palma* (его душа в его ладони/руке). Распространенные в народе фразы зачастую облекаются в рифмованную форму, для легкости употребления, запоминания и придания яркости выражению.

Рассмотренные выше образы, представленные с помощью концепта *душа* в испанском самосознании, далеко не исчерпывают всю палитру персонажей и реалий испанского языка. Несомненно, схожую, а, может быть, и новую картину мы увидим с концептом *сердце* в следующем разделе.

2.1.2 El corazón

Испанский язык славится своей экспрессивной и мелодичной формой, красоту языка невозможно не заметить, поэтому устойчивые выражения, которые приобрели свое метафоричное значение благодаря слову *corazón*, окрашены особой эмоциональностью, ведь сердце – это первый синоним чувству, эмоциям и любви. У большинства испаноязычный народ ассоциируется именно с этими проявлениями человеческой природы, благодаря популярности испаноязычной культуры, которая породила много песен о любви, внесла один из самых значительных вкладов в мировую литературу, подарила миру фламенко и ряд других направлений в музыке и танце, стихи Пабло Неруды и магический реализм Маркеса. Возможно, выражения с этим компонентом не являются национально маркированными, они могут встречаться и в других языках, что и будет проверено позже на примере португальских фразеологических единиц с тем же компонентом, однако можно заявить о некотором своеобразии, которое добавляется самим звучанием языка и вкладываемым в них пониманием.

Некоторые рассматриваемые примеры взяты из испано-русского фразеологического словаря под ред. Э.И. Левинтовой, следовательно, и перевод единиц осуществлён под руководством вышеупомянутого редактора. Как правило, фразеологизмы переводятся подходящим эквивалентом другого языка, если такой отсутствует, то его заменяют ФЕ с максимально приближенным значением. В данной работе не ставилась цель найти подобные

эквиваленты, а как раз объяснить рассматриваемые словосочетания в своей самобытной манере, раскрывая их эксплицитно, в чем более помогает дословный перевод. Смысл исследования заключается в тщательном «препарировании» материала, при возможности, обращении к истории его возникновения, выявлению рисуемого портрета и осмыслению заданных компонентов в устах испанского и португальского народов Иберийского полуострова.

Например, в **ситуации заблуждения** испанец обратится к выражению *te engaña el corazón* (ты принимаешь желаемое за действительное) и *le escapó el corazón por la boca* (он проговорился). По библейской традиции, сердце ассоциировалось с разумом, оно руководится истиной, которую в себе содержит. В данных примерах прослеживается эта древняя связь сердца и правды, если испанцу случилось проговориться, он скажет, что у него сердце сбежало с уст, правда сама сорвалась с губ. Но даже самый надежный советчик, которым привык руководствоваться человек, может оказаться неправ, и тогда сердце его обманывает, т.е. то, что человек считает **истинным** (что подтверждает фраза *el corazón no es traidor* – сердце не предатель, оно чует правду), на самом деле таковым не является. Происходит самообман, желаемое принимается за действительное, и тогда ему говорят, что «тебя обманывает сердце».

Через характеристику сердца дается описание его хозяину, *buen corazón* (доброе сердце) – **добрый** и отзывчивый человек, *mal corazón* – **злое** сердце.

Знакомо для русского языка отождествление сердца с материалом, будь то сталь, железо или бронза: *corazón de acero/de hierro/de bronce*. Металл ассоциируется с прочностью, поэтому и человек со стальным сердцем считается **сильным и волевым**, но каменное сердце не знает чувств, поэтому второе значение связано с **отсутствием жалости и сострадания**.

Сердцем из золота (*corazón de oro*) обладает **мягкий и отзывчивый** человек, золото всегда было в цене, как и отзывчивые люди. Доброта человеческой природы тесно переплетается с мягкостью характера, а мягкость испанцам напоминает масло из Сории, небольшого провинциального города, расположившегося на берегах реки Дуэро, в Испании, поэтому про мягкосердечного человека скажут, что он *un corazón de mantequilla de Soria*. Упоминание этого региона Испании оставляет национальный маркер в этой единице. Прослеживая линию мягкий – черствый, представим еще одно противопоставление *blando de corazón – duro de corazón*.

Антонимичный образ выстраивается по аналогии примеров с компонентом *душа*, отсутствие сердца делает человека **бесчувственным, бессердечным** – тот, у кого нет сердца (*no tiene corazón*). Однако, если душа передает в большем количестве негативный образ, то сердце больше связано с положительной оценкой. Это можно объяснить тем, что душа тесно связана с понятием греха, а сердце – с чувством и разумом. Например, если у человека сердце не вмещается в груди, это делает его **благородным** и великодушным, и про него говорят, что *él tiene el corazón que no cabe en el pecho*. Так создается благородный образ человека большого сердца (*tiene mucho corazón*), где мы опять наблюдаем квантитативную оценку, присущую не только душе, но и сердцу. Похожая тенденция наблюдается при передаче **сильного волнения и тревоги**: *el corazón no le cabía en el pecho* – у нее скребло на сердце.

Не только душе положено находиться на своем месте для гармонии личности, но и правильно расположенное сердце (*tener el corazón bien puesto*), чтобы обладать **твердостью и решимостью духа**. Сердце, смещенное в другие части тела, кроме ему положенного природой размещения в груди, несет в себе ощущение дискомфорта, **волнения и тревоги**, как в примере про сердце, ощущаемое в горле: *tener el corazón en la garganta*. Исходя из физиологических ощущений, при сильном эмоциональном переживании начинает учащенно биться сердце, что и послужило процессу метафоризации

для выражения **сильного переживания**: *le sale el corazón por la boca, le sube el corazón a la boca* – сердце так неистово колотится, что готово выскочить через рот. С сердцем у рта обычно бывает человек, который чувствует, как сжимается сердце и с трудом переводит дух (*con el corazón encogido/con el corazón en la boca*). Чувствуя стук волнующегося сердца, испанец, донося свои переживания до собеседника, скажет *se me acelera el corazón (late, palpita)*.

Сердце возделывает почву для самых тонких и живых переживаний человеческой психики. Если что-то попадает в само сердце, (*atraviesa el corazón*), то в зависимости от характера действий, оно или **глубоко тронуто** (*tocar el corazón*), или **ранено** (*clavar en el corazón* - поразить в само сердце), открыть сердце (*abrir/declarar su corazón*) означает довериться. Что оставят в нем другие, вызовет радость или причинит боль (*se me parte/arranca/encoge el corazón* – у меня сердце разрывается/вырывается/сжимается).

Сердце – очень хрупкий сосуд, если чувства человека обмануты, в русском языке есть подходящее выражение «у него разбито сердце». Раненым чувствам и **предательству** испанский язык нашел выражение *herir el corazón sin romper el jubón* – ранить в сердце, не разорвав хубон. Хубон – это особый вид куртки, популярный в XV-XVII в Испании. Упоминание этого предмета одежды в устойчивом выражении дает смелость предположить, что и сама идиома происходит из этого временного отрезка.

Сердце, подобно душе, способно олицетворять **мужество**, если образу не хватило сердца – *le faltó el corazón* – то ему изменяет мужество, и он никак не рассматривается как смелый.

Сердце, как и душа, умеет танцевать, когда говорящий испытывает **радость**, тогда испанский язык предлагает выражение *me bailó el corazón de gozo* – у меня сердце затанцевало от радости. Испанскому менталитету несвойственна сдержанность или краткость характера, скорее наоборот, поэтому усиленная **демонстрация своих чувств** облачается во фразеологизм

meterse en el corazón a otro - рваться в чужое сердце, искать к нему доступ и добиваться расположения этого человека. Быть искренним и чистосердечным по отношению к другим значит предложить свое сердце в руке – *ofrecer el corazón en la mano*. Идея ношения сердца на рукаве как демонстрация своих чувств происходит от средневековой традиции, когда рыцари носили на рукавах цвет своей дамы сердца в знак проявления теплых чувств. В предыдущей главе уже было сказано об упоминании этой идиомы в пьесе Шекспира «Отелло», под которой подразумевалось искренность и честность намерений.

Сердце очень тесно связано с **любовью**, в работах философов оно часто рисуется в образе вместимого предмета, некоего сосуда, который можно открыть, закрыть, разбить и наполнить. Эмоциональное **страдание** вызывает физиологический отклик в теле, создается ощущение, что сердце разбивается на мелкие осколки – *se le cae el corazón a pedazos*. Учащенное сердцебиение бывает не только признаком страха, но и показателем романтических эмоций (*latir el corazón por alguien*). Очень тонка и нежная эмоция, как влюбленность, занимает собой все мысли и внимание, рациональность и разум покидают человека, его сердцем завладел чей-то образ (*robar el corazón*).

Искренность выражается от всего сердца – *con todo el corazón, con el corazón en los labios* – всем сердцем, с сердцем на устах. Наречная ФЕ *de todo corazón* (от всего сердца, откровенно) сочетается с глаголами говорения (*decir/hablar de todo corazón*), и с глаголами, означающими эмоциональное отношение (*odiar/despreciar/querer de todo corazón*).

Сердце упоминается **при обращении** к человеку – *de mi corazón* – часто с ироническим оттенком, приблизительное в русском языке «Ну, знаешь, милый мой...».

Олицетворение **воли** сердцем воплощается в идиоме *jarrriba ese corazón!* Чтобы подбодрить человека и призвать его к решительности, испанец взывает

к сердцу, а русский скажет *выше нос!* Отсутствие решимости обосновывается нехваткой сердца, если у человека не хватает духу на действие, и он слишком мягок, про него скажут *no tiene corazón para eso*.

Разнообразие образов, передаваемых концептами *alma* и *corazón*, дает оценку поведения человека в обществе, помогает выразить собственные чувства и воззвать к чувствам другого.

2.2 Портретные зарисовки португальской ментальности при помощи идиоматических выражений с компонентами *сердце* и *душа*

2.2.1 O coração

Сердце и душа в португальском языке, подобно другим языкам, означают самого человека и входят в состав фразеологических единиц, носящих оценочный характер окружающего общества. Взаимозамещение изучаемых концептов характерно и для португальского языка. Уже было замечено ранее, что синонимичность этих слов наблюдается не только внутри одного языка (*llevar el corazón/el alma en un riño* – быть в сильной тревоге, с камнем на сердце), но и на уровне разных языков при переводе обнаруживается несовпадение наименований для передачи одного смысла (*odiar de todo corazón* – *ненавидеть всеми силами души*; *con el alma en un hilo* – *с замиранием сердца*).

Многие из проанализированных идиом португальского языка имеют эквиваленты в испанском фразеологическом фонде. Встречаются схожие адъективные конструкции: *coração/alma de ouro* – о добром и щедром человеке, *coração de pedernal/pedra/bronze* – бронзовое сердце, или сердце из камня, в отличие от испанского языка, где оно еще принимается за силу и стойкость, в португальском сознании это только образ, **лишенный сочувствия**. Наблюдается подобное противопоставление с наличием – отсутствием сердца, для холодного

и бесчувственного поведения (*não ter coração*), и для доброго и отзывчивого отношения (*ter coração*). Найдены полные эквиваленты *tener pelo(s) en el corazón* – *ter pelo(s) no coração*, заключающие в себе образ бесчувственного, и в целом воспринимаемого негативно человека.

Для обозначения **доброты и верности** используются фразы *coração de pomba* (сердце голубки) и *coração lavado* (чистое, «вымытое» сердце). Голубь является символом души, чистоты и божественности, поэтому данный образ заключает в себе положительное значение.

Об отваге и воодушевленности обычно говорят *com/de coração ao alto* (сердце, устремленное ввысь). Повторяется мотив ассоциации отваги со стремлением ввысь, как преодоления барьера (исп. *jarriba ese corazón!*). Есть и другое выражение *fazer das tripas coração*, подходящее для ситуации, когда необходимо собраться с духом перед лицом неприятностей. *Tripas* с португальского «внутренности, кишки». Схожая метафора имеется и в английском языке с тем же компонентом, которая говорит о наличии смелости (*to have the guts* – букв. иметь кишки/внутренности).

Сострадание воплощается в выражении *tem coração!* – обрести сердце, в данном понимании силу и волю. Тяжелые **потрясения** заставляют сердце упасть в ноги (*cair o coração aos pés*) и разбиться (*cortar o coração*).

Когда португалец испытывает чувство **грусти**, он говорит, что в его сердце закралась смерть – *ter a morte no coração*, а само сердце подступает к горлу и буквально выпадает с уст – *ter o coração perto da goela/ao pé de boca*. Интересно как в двух довольно похожих языках одна форма идиом дает разное содержание: в понимании испанца сердце у рта говорит об усталости и изнеможении, а у португальца такое положение вызывает грусть. **Тревога** заставляет сердце сжиматься – *apertar-se o coração*, а ощущение **радости и счастья** пускает его вприпрыжку – *andar com coração aos pulos*. Любые сильные эмоции сказываются на сердечном ритме, это передается в

физиологическом ощущении тела, поэтому идиома о сердце вприпрыжку имеет и другое, негативное значение, которое выражает **испуг**.

Не могло обойти концепт *сердце* и выражение **любовной симпатии**. Как сосуд, который можно наполнить самым сокровенным, то и любимого человека португальское мировоззрение тоже носит в сердце – *trazer/meter alguém no coração*. А чтобы **завоевать** чье-то **расположение**, необходимо говорить прямо в сердце – *falar ao coração*. Чтобы **выведать чужие переживания** и чувства, за сердцем начинают шпионить – *sondar o coração de alguém*.

Единение высших духовных составляющих человека не знает лжи и искажения, сердце – это средоточие души, ее обитель, оно не способно на обман, поэтому **искренность** так тесно связана с сердцем. Если что-то исходит из сердца, будь то эмоции злого или доброго начала, они будут совершенно искренними, поэтому испанцы ненавидят всем сердцем, а в португальском языке утверждение искренности оставляет возможность дистрибуции с глаголами как положительной, так и негативной окрашенности – *vir do fundo do coração, de coração aberto* – то, что идет из глубины сердца, от его открытости. К этому ряду присоединилась и рыцарская традиция, уже замеченная в английском и испанском языке – *com o coração nas mãos*. Появление этого образа искренности в трех языках говорит о том, что традиция носить цвета своей дамы на рукавах в знак своей симпатии или была широко распространена, или красота метафоры понравилась носителям языка, что и способствовало ее заимствованию.

В испанском языке **щедрый и благородный** человек обладает таким большим сердцем, что оно не вмещается в его груди, а в португальском просто подчеркивается его величина (или величие) – *ter o coração grande*.

При рассмотрении собранных идиом на первый взгляд может показаться, что фразеологический фонд двух языков с рассматриваемыми концептами очень похож по своему смыслу, однако при более детальном рассмотрении обнаруживается разность осознания схожих форм, а также наименования собственных безэквивалентных форм или значений. Это хорошо прослеживается на примере ФЕ с компонентом *alma*, который мы проанализируем далее.

2.2.2 О *alma*

Выражение души в португальском языке обрело свои смыслы, которые отсутствуют в испанском. При помощи этого концепта говорят о **привидениях**, как о душах с того света, потерянных и страдающих – *alma penada/perdida*, *alma de outro mundo*. В представлении религии, душа дается человеку при рождении, а при смерти она его покидает, получается, что привидения – это потерянные, застрявшие души, которые не принадлежат этому миру и не вернулись к Богу, поэтому и страдают.

В церкви стоят коробки, где прихожане оставляют **милостыню**, которая ассоциируется с душевным порывом и благим делом, поэтому эта коробка по-португальски называется *caixa das almas*. В английский язык вошла основа этого выражения, сохранив латинский корень – *alms-box*, и сама милостыня называется *alms*, а вот само слово душа звучит как *soul*. Это германское слово, прослеживаемое во всех германских языках, и восходит оно к готскому языку. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что оно пришло из протогерманского языка в значении «море». Здесь просматривается аллегория психологического характера, введенная психоанализом, в которой сознание (душа) мыслится как акватическая среда. На основе этих соображений такие писатели как Вирджиния Вульф, Джеймс Джойс и Дороти Ричардсон основали

целое направление «потока сознания» в литературе, волшебным образом очень тонко передавая восприятие мира своими персонажами. В португальском сознании **ментальное состояние** человека приравнивается к состоянию души, поэтому психологический настрой выражается как *estado de alma*.

Удивительный португальский язык нашел применение душе даже для описания **дешевизны**, если португальцу случилось купить что-то по выгодной цене, он скажет, что купил ее в чаше с душами – *na bacia das almas*.

Душа и для португальского языка остается первым синонимом человеку. Это отражается в выражении **личного присутствия** – *em corpo e alma*, или полного отсутствия людей – *nem viva alma*. Когда португальцу посчастливилось встретить человека, с которым возникло полное взаимопонимание, он скажет, что встретил **родственную душу** – *alma gémea*. Понятие «родственная душа» присутствует не только в русском и португальском языке, но и в английском, только англичане называют их близнецами или другом души – *twin soul, soul mate*.

Апатичного и не склонного к взаимодействию человека португальский народ связывает с душой турецкого гороха – *alma de chícharo*, а образ простака схож с испанским представлением о пустой душе кувшина – *alma de cântaro*.

Человек с **боевым характером**, устойчивый перед невзгодами жизни, обладает душой до Алмейды, города-крепости, которая выстояла много исторических баталий. Включение во фразеологическую единицу *alma até Almeida* географического названия, делает ее реалией португальской культуры и наделяет национальной маркированностью.

Антонимичный образ **подлого** и низкого человека рисуется адъективными словосочетаниями. В портрете ненадежного и плохого человека присутствует

черная душа, смольная душа и душа дьявола – *alma negra, alma do breu, alma do diabo*.

Такие люди причиняют страдания, и свои **печальные** чувства португальцы называют болью или терзаниями души – *dor/dó de alma*.

Умиравший человек ощущает душу в области живота – *estar com alma no raro*, само понимание **смерти** тоже подразумевает отдать душу Создателю – *entregar a alma ao Criador/ a Deus*.

Схожая с испанским языком рифмующаяся фраза *sua alma, sua palma* предупреждает о последствиях, о том, что судьба человека в его руках.

Представленный анализ обнаруживает сходства испанского и португальского народов, тесно связанных историей, географическим положением и общим праязыком. Несмотря на сходство языков, они обладают национально-специфичными чертами. Не существует нации без своего языка, он влияет на мышление и вносит несоизмеримый вклад в формирование менталитета. Язык как метод кодирования и дешифровки знаний об окружающем мире копит в себе опыт поколений, что было показано на рассмотренных примерах, как по-разному или по-своему иногда видят мир, пусть и очень похожие, но, тем не менее, разные языковые коллективы, а, следовательно, и разные народы. Трудно сравнить, чья фразеологическая копилка богаче, что и не входило в поставленные цели, зато в процессе исследования довелось оценить красоту мысли и ее облечение в языковую форму.

Выводы по главе II

В процессе анализа отобранного материала из фразеологических словарей с элементами *душа* и *сердце* было обнаружено наличие одинаковых в плане содержания и в плане выражения идиом в португальском и испанском фразеологическом корпусе.

Найдены национально-маркированные выражения *corazón de mantequilla de Soria* и *herir el corazón sin romper el jubón*. Первое соответствует заявленным характеристикам по наличию географического маркера, а второе содержит название национальной одежды. В португальском языке к национально-маркированным выражениям относится *ter alma até Almeida*, в котором упоминается название средневековой крепости, расположенной в Португалии, как реалии португальской культуры.

Исследованные идиомы в большинстве своем передают образы человека с положительной и отрицательной коннотацией, а также характеризуют такие абстрактные понятия, как любовь, отвага, смерть и страх.

В обоих языках встречаются адъективные, наречные и глагольные фразеологические единицы. Последние часто включают глаголы состояния, обладания, говорения и глаголы конкретного действия. Часто встречаются адъективные идиомы *de+сущ./прил.* с варьируемыми компонентами.

Были обнаружены сходства рассмотренных идиом с фразеологическими единицами английского и русского языков и установлена вариативность концептов *сердце* и *душа* в рамках не только одного языка, но и при переводе на другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование концептов *сердце* и *душа* на материале фразеологизмов португальского и испанского языков показало, что образы человека в его взаимодействии с окружающим миром в мышлении двух народов во многом совпадают. В обоих языках были найдены фразеологические средства с обозначенными элементами для описания доброго и злого, открытого и бесчувственного человека; для передачи его эмоционального и психического состояний, таких как радость – грусть, счастье – страдание, влюбленность и равнодушие. В качестве этической характеристики человека данные концепты найдены в описании смелости – трусости, решительности – безвольности и искренности. Посредством *души* и *сердца* испанские и португальские идиомы передают понимание и отношение людей к смерти, как к отделению души от тела и ее возвращение к Богу, или как лишение сердца, если эта смерть насильственная. Рассматриваемые концепты выступают в значении воли и разума, как источники истины и связи с высшими силами.

Во фразеологизмах испанского и португальского языков сердце представляется хрупким сосудом, в котором содержатся отвага и воля, силы и разум. Сердце ведает истину, способно предчувствовать, оно знает все ответы. Сердце может упасть и разбиться, сжаться или его и вовсе можно лишиться, а, следовательно, потерять способность чувствовать и сострадать. Сердце, как показатель положительных или отрицательных эмоций, ускоряет свой ритм, оно может выскочить через рот или застрять в горле. Любое ощущение сердца не на своем месте означает сильные переживания и нарушение гармонии. Сердце не знает лжи, оно искренне и разумно, оно как средоточие человеческой природы, является обителью души.

Душа олицетворяет собой движение, когда она направляется вверх, это вызывает воодушевление и приятные эмоции, если она устремляется вниз,

человек падает духом и теряет силы. Душа – это дыхание, вселяющее жизнь. Когда она покидает тело согласно еще древним представлениям через рот, то человек либо умирает, либо находится в состоянии изнеможения. Душа – это сам человек со всем спектром его качеств и этических характеристик. Если сердце – это сосуд, то душа – его наполнение.

Сравнительно-сопоставительный анализ ключевых культурных концептов во фразеологии позволяет выявить общее и частное в мировидении народов и в системе образов, представляющих данные концепты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арват Н.Н. Концептосфера лексемы ДУША в русском языке // Материалы X конгресса МАПРЯЛ Русское слово в мировой культуре. СПб, 2003. С. 94-97.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., Знак, 2008. – 656 с.
3. Бобрышева Л. К., Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира: (на материале русского и адыгейского языков): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Майкоп, 2009. – 22 с.
4. Буянова Л.Ю., Ерошенко А.Р. Константы «Жизнь», «Душа», «Любовь» как основа русской ментальности и культуры: специфика вербализации // Материалы X конгресса МАПРЯЛ Русское слово в мировой культуре. СПб, 2003. С. 204-209.
5. Ваниева О. А., Фразеологические единицы библейского происхождения с концептами "душа/дух" и "сердце" в качестве опорного слова в русском, английском и осетинском языках: (Сопоставит. исследование на материале Нового Завета Библии): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Владикавказ, 2005. – 22 с.
6. Вардазарян А. В. Национально-культурологические особенности метафорических фразеологических единиц в западно-романских языках // Вестник МГЛУ. №643. М.,2012. С.9-21.
7. Вежбицкая А.Н. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
8. Вежбицкая А.Н. Язык. Культура. Познание. М.,1996. – 416 с.
9. Виноградов В.С. Курс лексикологии испанского языка: Учеб. для университетов. – М.: Высш. шк., 1994. – 192 с.

10. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В кн.: «Академик А.А. Шахматов». М.-Л, 1947. С.27-54.
11. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культур / Отв. Ред. В.Н. Телия. М., 1991. – 336 с.
12. Гишкаева Л. И. Фразеологические образы испанского языка в кросскультурном аспекте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №12. М., 2011. С.89-92.
13. Голованивская М.Н. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997. – 289 с.
14. Дюська А.П. Фразеологизмы с ментальным компонентом как средства выражения мировоззрения народа (на материале украинского языка) // Язык и культура. №14. 2014. С.32-37.
15. Ерёмкина А.В. Дух и душа в учениях Оригена Александрийского. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, выпуск № 2. Тула, 2012. С.18-26.
16. Жолобова А.О., Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н.: Казань, 2005. – 18 с.
17. Зибров Д. А., Концепт "сердце" в аспекте концептуальной систематики языка: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Иркутск, 2009. – 21 с.
18. Кобякова Т.И. Язык, ментальность, концепт как основа языкового сознания личности // Язык и культура. М., 2014. С. 212-217.
19. Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование концепта душа в древнерусской лингвокультуре // монография. М.: Перо, 2014. — 188 с.
20. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
21. Кубрякова Е.С., Демянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1966. – 248 с.

22. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М., 1972. – 278 с.
23. Курчаткина Н. Н. Испанский фразеологизм: лингвокультурологический аспект изучения // Вестник МГЛУ. №10. М., 2013. С.101-104.
24. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка М. 1981. – 144 с.
25. Лебеденко А.А. Философия сердца Григория Сковороды: концепция цельности человека и мира. // Журнал Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления, том 2. М., 2009. С. 240-253.
26. Левинтова Э.И., Вольф Е.М. О связи фразеологии с системой языка. // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докл. Вологда, 1965. С. 35-48.
27. Макарова В. Л. Семантическая структура латинского слова *cor* // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. №1. Волгоград, 2008. С.143-149.
28. Мезенцев И. В. Антропологические и культурологические импликации христианского учения о происхождении души // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: Сборник материалов VIII Молодежной международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Ж.А. Мингалёвой, С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. С. 31-36.
29. Михеева Н. А., Каузация эмоционального состояния и эмоционального отношения в испанском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Москва, 2007. – 20 с.
30. Ориген. О началах. СПб.: Амофра, 2007. – 458 с.
31. Пеетерс А. В., Понятия пространства и времени в португальской фразеологии (к вопросу о языковой картине мира): автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н. М, 1997. – 25 с.

32. Пименова М. В., Концептуальные исследования: введение: учебное пособие: [для студентов филологических факультетов] - Москва: Флинта Наука, 2011. – 174 с.
33. Русецкая Й., Концептуализация культурных стереотипов "душа" и "тело" в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей): автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Москва, 2012. – 24 с.
34. Титаренко Е.С. Место символа сердца в антропологии Григория Нисского // Вестник РГГУ. Изд-во РГГУ. №7. М., 2008. С. 139-150.
35. Уматова Ж. М., Концепты душа/жан как лингвокультурологический феномен: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Алматы, 2005. – 24 с.
36. Уралова Л.А. К вопросу о развитии категории фразеоматических сочетаний // Вестник МГЛУ №20. М., 2014. С.238-249.
37. Федорова К.Л. Русские и английские фразеологизмы с компонентами-метеонимами в лингвокультурологическом аспекте. – в сб. материалов Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы филологии». Курган, 2015. С.192-195.
38. Хабибуллина А. З. Концепт души в русской и восточных литературах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. №2. Казань, 2011. С.275-285.
39. Фірсова І., Дорошук К. Відображення психічного стану людині фразеологічними засобами // Романська філологія та сучасний оствітній простір: матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції молодих учених. Горлівка, 2013. С. 158-159.
40. Corominas, J., Pascual J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid: Editorial Gredos, 1984. – 985 с.
41. Jackendoff R. What is a concept, that a person may grasp it? // Mind and Language. 1989. Vol.4. - №1/2. p. 3-6.

42. Johannes Klare. Lexicologia e fraseologia no português moderno // Revista de Filología Románica, IV. Editorial de la Universidad Complutense. Madrid, 1986. p. 355-360.
43. Oxford Latin dictionary / ed. by P. G. W. Glare. – Oxford, 2012. – 2400 p.
44. Whorf Benjamin Lee. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York, 1956. – 283 p.

Электронные источники

1. Diccionario de Real Academia Española. - <http://dle.rae.es/> (дата последнего обращения 05.05.2016).

Источники примеров

1. Испано-русский фразеологический словарь. Под ред. Э.И. Левинтовой. М.: Русский язык, 1985. — 1080 p.
2. A. Buitrago. Diccionario de dichos y frases hechas. Barcelona, 2012. – 996 p.
3. M. Moliner Diccionario de uso español. Madrid: Gredos. 2007. – 1680 p.
4. A. Nogueira Santos Novos dicionários de expressões idiomáticas. Lisboa, 2000. – 476 p.
5. Феерштейн Е.Н., Старец С.М. Большой португальско-русский словарь. М.: Живой язык, 2005. – 936 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фразеологический словарь с концептами *душа* и *сердце* испанского и португальского языка

Испанский язык

El alma

- **¡ay del ay! que al alma llega y en llegando al alma allí se queda;** - Уф! Начинаю приходить в себя!
- **abrir el alma** – успокоить, подбодрить кого-л.
- **abrir su alma** – открыть, излить душу, довериться кому-л.
- **alma atravesada** – изверг, злодей, негодяй, подлец
- **alma bendita** – добряк, добрый малый; наивный, простодушный человек
- **alma de caballo** – злодей, негодяй, подлец
- **alma de Caín** – изверг, окаянный, злодей
- **alma de cántaro** – балда, балбес; простак, простофиля
- **alma de choro** – чурбан бесчувственный; простак, простофиля
- **alma de dios** – добрая душа, добряк
- **alma de embudo** – эгоист, себялюбец, равнодушный к чужим горестям, но требующий сочувствия от других
- **alma de Judas** – подлец, негодяй, изверг
- **alma de negocio** – подоплека, истинный смысл, тайная пружина
- **alma nacida** – никто, ни одна живая душа, ни души
- **arrancar el alma a uno, sacar el alma (¡te saco el alma!)**– убить, умертвить кого-л.

- **arrancar/destrozar/partir a uno el alma con...** – вызвать острое страдание (сердце болит, душа разрывается от...)
- **bailara uno el alma en el cuerpo, paseársele a uno el alma por el cuerpo** – быть равнодушным, холодным; быть неторопливым
- **bailarle/ salirsele a uno el alma en los ojos** – весь как на ладони, не умеет скрывать своих чувств
- **buen alma** – добряк; простодушный
- **caérsele a uno el alma a los pies** – прийти в уныние, упасть духом
- **clavársele en el alma** – глубоко огорчиться
- **con el alma en los pies** – с упавшим сердцем
- **con el alma, con mil almas, con (el) alma y (la) vida** – с большим удовольствием, очень охотно, от всего сердца
- **dar alma** – оживить что-л., вдохнуть душу во что-л.
- **dar alma y vida** – поощрять, побуждать
- **dar con alma** – крепко бить, колотить
- **dar el alma** – страстно любить; быть добрым, великодушным
- **dar el alma al diablo** – ни перед чем не останавливаться, идти на все, добиваться любой ценой
- **dar/entregar/rendir el alma a Dios** – умереть, испустить дух
- **darle/ decirle a uno el alma** – предчувствовать, чует мое сердце
- **de mi alma** – милый, дорогой мой
- **decir para su alma** – подумать про себя
- **despedir/entregar/exhalar/rendir el alma** – умереть, испустить дух
- **dolerle a uno el alma de inf.** – нет больше сил, осточертело, тошно
- **dolerle a uno en el alma** – душа болит, сердце кровью обливается
- **echar el alma a las espaldas** – действовать без зазрения совести, потерять стыд и совесть
- **echar el alma atrás** – потерять стыд и совесть
- **echar el alma por la boca** – работать до изнеможения, вкалывать

- **el alma dice** – я предчувствую, чует мое сердце
- **en el alma, agradecer en el alma** - от души, всей душой; быть глубоко благодарным
- **encomendar el alma a Dios** – читать отходную молитву, молиться за умирающего
- **ensancharse el alma** – поднять дух, настроение
- **escapársele/ salirse a uno el alma por la boca** – душа на распашку, у него что на уме, то и на языке
- **estar con el alma en un hilo** – у него сердце замирает, он ни жив ни мертв
- **estar/quedar como el alma de Garibay** – ни туда ни сюда, не мычит не телится
- **falso como el alma de Judas** – предатель, иуда, коварный человек
- **hablar al alma** – говорить напрямик, открыто
- **írsele el alma a uno por algo** – страстно желать чего-л., жаждать всем сердцем
- **írsele/ caérsele el alma al suelo** – сжалось сердце, внутри похолодело
- **llevarle al alma** – вызвать сожаление, глубоко тронуть
- **llevar a uno en el alma** – любить кого-л. всем сердцем, души не чаять в ком-л.
- **llevarle tras sí el alma** – сильно привлекать, прельщать, соблазнять
- **más negro que el alma de Judas** – дрянной человек, негодяй; скверно, хуже некуда
- **no deber más que el alma a Dios** – не быть никому ни чем обязанным, чувствовать себя независимым
- **no poder con el alma** – изнемогать, выбиться из сил
- **no tener alma** – быть бессердечным, бездушным
- **partírsele el alma a uno** – душа болит, сердце разрывается

- **pesarle/ sentirle a uno en el alma** – горько сожалеть, раскаиваться в чем-л.
- **quedar sin alma en su almarío** – испугаться, оробеть
- **robar el alma** – увлечь, обворожить
- **romperle a uno el alma** – проломить кому-л. голову, избить, душу вытряхнуть
- **sacar el alma** – причинить большой вред
- **salir el alma por los ojos** – весь как на ладони, не умеет скрывать своих чувств
- **salirse el alma por la boca** – душа на распашку, что на уме, то и на языке
- **su alma en su palma** – путь поступает как знает, дело хозяйское
- **tener alma** – быть выносливым, быть энергичным
- **tener alma buen puesta** – быть смелым, отважным и решительным человеком
- **tener el alma hecha un nudo** – глубоко страдать, испытывать душевную боль
- **tener el alma parada** – перестать соображать, прийти в состояние оцепенения
- **tener más alma que un caballo** – быть выносливым, быть энергичным, смелым
- **tener menos alma que un mosquito** – быть малодушным, робким, трусливым
- **tener su alma en su almarío/en su cuerpo/en sus carnes** – быть смелым, решительным; иметь самолюбие, чувство собственного достоинства; быть чувствительным, равнодушным
- **tener uno el alma** – болеть душой за кого-л., сочувствовать; иметь на совести
- **tocarle a uno en el alma** – глубоко тронуть, растрогать

- **traer alma en la boca** – страдать, мучиться, изнемогать
- **volverle a uno el alma al cuerpo** – избавить(ся) от большой тревоги, успокоить(ся)

Португальский язык

О alma

- **abrir a alma/o coração** - доверять
- **alma danada/negra** – злой, жестокий человек
- **alma de breu** – злой, жестокий человек
- **alma de cântaro** – простак, простофиля
- **alma de chicharo** – апатичный, бесчувственный человек
- **alma de Deus, boa alma** – добряк, добрая душа
- **alma do diabo** – злой, жестокий человек
- **alma do outro mundo** - призрак
- **alma gémea** – родственная душа
- **alma penada/perdida** – призрак; потерянный, беспомощный человек
- **alma/coração de ouro** – щедрый, добрый, понятливый человек
- **aperto de alma** - беспокойство
- **botar/deitar a alma/os bofes pela boca** – запыхавшийся после бега или быстрого шага
- **cair a alma/o coração aos pés** – испугаться; испытать потрясение
- **caixa das almas** – ящик для милостыни
- **com alma** – с душой
- **com corpo e alma** – душой и телом
- **com todas as veras (da alma)** – со всей отдачей, искренне
- **cortar a alma/o coração** – обидеть, огорчить
- **criar/ganhar alma nova** – приободрить, дать второе дыхание
- **da alma e coração/de corpo e alma** – со всей энергией и энтузиазмом

- **dar a alma ao diabo** – умереть; добиваться любой ценой
- **dar/entregar/render a alma (ao Criador/a Deus/ao Diabo)** - умереть
- **descobrir a sua alma a alguém** – отвести с кем-л. душу
- **dó/dor de alma** – страдание, боль души
- **em corpo e alma** – в личном присутствии
- **encomendar a alma a Deus** – молить о спасении
- **estado de alma/espírito** – психическое состояние
- **estar com a alma no papo** – умирать
- **na bacía das almas** – очень дешево
- **não ter alma para alguma coisa** – не в силах собраться с духом сделать что-л.
- **nascer uma alma nova a alguém** – вернуть дух, вдохнуть энтузиазм
- **nem viva alma/ viv'alma** – ни души, никого
- **nobreza de alma** – щедрость, великодушие
- **paz de alma** – спокойный, безобидный человек
- **preto de alma branca** – человек, принадлежащий темнокожей расе, принявший ценности и мораль белой расы
- **rezar pela alma de alguma coisa** – потерять надежду вернуть/найти данную взаймы/потерянную вещь
- **sem alma para nada** – о человеке безразличном, лишенном энтузиазма и энергии
- **ser a alma danada de alguém** – о человеке, который опутывает другого интригами и сплетнями
- **ser a alma do negócio** – подоплека, истинный смысл
- **ser duas almas num corpo** – жить душа в душу, дружно
- **sua alma, sua alma** – дело хозяйское; своя воля, своя и доля
- **ter alma até Almeida** – не терять дух, быть решительным и смелым
- **vender a alma ao diabo** – добиваться любой ценой, поступаясь принципами

Испанский язык

El corazón

- **¡arriba ese corazón!** – не робей! приободрись!
- **abrir uno su corazón a otro** – открыть свое сердце, излить душу
- **abrirle el corazón** – освободить кого-л., успокоить
- **acelerársele/latir/palpitar el corazón** – забиться, заколотиться (о сердце)
- **anunciarle/decirle a uno el corazón** – чуяло мое сердце, так я и знал
- **arrancársele/ partírsele el corazón** – душа надрывается, сердце разрывается на части
- **atravesar el corazón a uno** – вызвать живейшее сочувствие, сострадание
- **bailarle/brincarle a uno el corazón** – душа взыграла, сердце так и запрыгало
- **blando de corazón/ de corazón blando** – добрый, мягкосердечный
- **buen corazón** – добрый, сердечный, отзывчивый человек
- **caérsele a uno el corazón a pedazos** – сердце кровью обливается
- **clavarle a uno en el corazón** – причинить сильное страдание
- **con el corazón en la boca** – едва дыша, с трудом переводя дух
- **con el corazón encogido** – в смятении, в страхе
- **con el corazón metido en un puño& con el corazón tamaño** – в страхе, в сильной тревоге
- **con todo el corazón/ con el corazón en los labios/ con el corazón en la mano** – от души, совершенно искренне
- **corazón bien nacido** – благородное сердце
- **corazón de acero/de bronce/de hierro** – сильный, волевой человек; человек не знающий сострадания

- **corazón de chacal/ de fiera/ de hiena/ de león/ de tigre** – бессердечный, жестокий человек
- **corazón de mantequilla de Soria** – мягкое, нежное сердце; отзывчивый, мягкосердечный человек
- **corazón de oro** – мягкий, отзывчивый человек; золотое сердце
- **cubrírsele a uno el corazón** – опечалиться, грустить
- **de corazón** – сердечный; правдиво, чистосердечно; наизусть, на память
- **de corazón entero** – сильный (физически и духовно)
- **de corazón sano** – благородный, великодушный
- **de corazón tierno** – плаксивый, слезливый, слишком чувствительный
- **de mi corazón** – дорогой мой, душечка (в составе обращения; часто – с ироническим оттенком)
- **de todo corazón** – всем сердцем, откровенно
- **declarar uno su corazón** – открыть свое сердце, излить душу
- **dilatar el corazón** – принести облегчение, утешение, камень с сердца
- **duro de corazón/ de corazón duro** – черствый, жесткий
- **echar uno el corazón por la boca/ por los ojos** – дойти до полного изнеможения; душа нараспашку
- **el corazón no es traidor** – сердце чувствует правду, предчувствие не обманывает, сердце – вещун
- **encogérsele a uno el corazón** – сердце сжимается, душа замирает
- **engañarle a uno el corazón** – принимать желаемое за действительное
- **escapársele a uno el corazón por la boca** – проговориться, проболтаться
- **faltarle a uno el corazón** – не хватило духа, изменило мужество

- **gran corazón** – великодушие; благородный, великодушный человек
- **helársele a uno el corazón** – упало сердце, остолбенел, замер на месте
- **herir el corazón sin romper el jubón** – нанести душевную рану, оскорбить, обидеть незаметно для окружающих
- **latir el corazón por uno** – быть равнодушным к кому-л.
- **Llevar el corazón en el puño** – с камнем на сердце, душа не на месте
- **mal corazón** – злоба, зависть; недобрый человек, злой человек
- **meterle a uno el corazón en un puño** – пугать, тревожить
- **meterse uno en el corazón** – усиленно демонстрировать свои чувства
- **no caberle a uno el corazón en el pecho** – быть в сильном волнении; быть вне себя; быть отважным
- **no tener corazón** – быть бессердечным, бесчувственным
- **no tener corazón para...** - у него не хватает духу, чтобы сделать что-л.
- **no tentarse el corazón** – не робеть, не бояться; не постесняться
- **odiar de todo corazón** – ненавидеть всеми силами души
- **ofrecérsele el corazón en la mano** – быть искренним
- **partirle/ quebrarle a uno el corazón** – надирать, терзать душу
- **partírsele a uno el corazón** – сердце разрывается на части, сердце кровью обливается
- **poner una cosa en el corazón** – внушить кому-л. что-л.
- **querer de corazón** – любить всем сердцем
- **robarle a uno el corazón** – завладеть чьим-л. сердцем
- **sacarle a uno el corazón** – душу вытрясти, уничтожить
- **salirle a uno del corazón** – быть искренним, действовать от чистого сердца

- **salirle a uno el corazón por la boca** – сердце колотится, готово выскочить
- **subírsele a uno el corazón a la boca** – у него бешено заколотилось сердце
- **tener el corazón bien puesto (en su sitio)** – обладать твердостью духа, решимостью; быть благородным, великодушным
- **tener el corazón en la garganta** – сильно волноваться, тревожиться, бояться
- **tener el corazón que no le cabe en el pecho** – быть благородным, великодушным
- **tener mucho corazón** – быть великодушным, благородным
- **tocarle a uno en el corazón** – тронуть, побудить к добру, воззвать к сердцу

Португальский язык

O coração

- **abrir o coração/ a alma** – доверять, признаваться
- **andar com/sentir o coração aos pulos** – испугаться, беспокоиться; чувствовать себя очень довольным, счастливым
- **apertar-se o coração a alguém** - испытывать чувство тревоги, иметь дурные предчувствия
- **cair o coração/ a alma aos pés** – перенести потрясение от неожиданного удара
- **com o coração nas mãos** – искренно
- **com/de coração ao alto** – с храбростью и смелостью, с надеждой
- **com/de coração ao largo** - человек, смелый и решительный перед жизненными невзгодами

- **coração de pedernal/pedra/bronze** – бесчувственный, бессердечный человек
- **coração de pomba** – нежный, добрый, чувствительный человек
- **coração lavado** – честный, преданный человек
- **coração/ alma de ouro** – добрый, щедрый, понимающий человек
- **cortar o coração/ a alma-** волновать, потрясти, огорчить
- **de coração aberto** – искренно, без уверток
- **do fundo do coração** – со всей искренностью, от всего сердца
- **falar ao coração** – умилять словами; пытаться завоевать симпатию
- **falar com o coração nas mãos** – говорить со всей искренностью и честностью
- **fazer das tripas coração** - собраться с силами, призвать все свое мужество
- **homem de coração** – добрый, сердечный человек
- **meter alguém no coração** – проявлять симпатию
- **não ter coração** – быть бесчувственным, злым человеком
- **quebrar-se o coração** – потерять дух, надежду, радость
- **sondar o coração de alguém** – попытаться выведать о чувствах другого человека
- **tem/tehma coração!** – выражение сочувствия; держись!
- **ter a morte no coração** – печалиться
- **ter cabelo/pelo no coração** – быть бесчувственным, злым человеком
- **ter coração** – о добром и нежном человеке
- **ter o coração perto da goela/ ao pé da boca** – замкнуться, перестать показывать чувства, делиться мыслями и переживаниями; огорчиться
- **ter o/um coração grande** – о великодушном и щедром человеке
- **trazer alguém no coração** – сильно и искренне любить кого-л.
- **vir do fundo do coração** – делать что-л. от всего сердца, искренне